

**Александр
Косарев —
сын времени**

**БАМ.
В поисках
работы**

**Юрий Нагибин.
Новый рассказ**

**Г. Хазанов.
Сатира —
жизнь моя**

**Застой совести.
Судебный очерк**

ВЗГЛЯД 19 СНОВА

ISSN 0131-6656

**...И ПОМНИТ
ВСЯ
РОССИЯ**
(Читайте
стр. 16—17.)

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Николай ТРУЩЕНКО,
доктор исторических наук,
профессор

Александр Косарев,
генеральный секретарь ЦК
ВЛКСМ с 1929 по 1938 год.
Где бы он ни работал, какой
бы пост в комсомоле ни
занимал, всегда оставался
самим собой, в нем, по
словам современников,
«продолжал жить рабочий
паренек». Совсем юные и взрослые,
школьники и маститые
ученые обращались
к Косареву за советом
и помощью, потому что
знали: обязательно
отзовется, поддержит.
И звали его просто Саша.

ва жило в памяти современников. После XX съезда партии Косарев был реабилитирован.

Его биография начиналась обыденно, как и у многих тысяч детей из дореволюционной пролетарской семьи — многодетной, перебивающейся с копейки на копейку. Родился Саша в 1903 году на Благуше — северо-восточной окраине рабочей Москвы. Окончил церковно-приходскую школу. Работать начал девяти лет, на цинковальном заводе. Рассказывал об этом так: «Привел меня мастер в темный сарай. Потолки низкие, пол земляной, на окнах решетки, словно в тюрьме. В пол врыты травильно-промывочные ванны, в которых мы, стоя на коленях — а земля всегда была сырой, — промывали посуду перед цинкованием. Если даже около завода было трудно дышать, то каково же было нам, рабочим, по двенадцать — четырнадцать часов дышать кислотными испарениями и газом. Придешь домой, во рту горько, руки в язвах...»

На благушенских предприятиях Косарев познакомился с большевиками и впервые прочитал рабочую газету «Правда», участвовал в забастовках солидарности.

Сразу после социалистической революции в Петрограде вступил в молодежный красногвардейский отряд под командованием Альфреда Лапина.

Недавно в Центральном архиве ВЛКСМ я разыскал интересный документ: протокольную запись ночного заседания бюро ЦК РКСМ от 18 октября 1919 года. Горстка руководителей главного комсомольского штаба собралась той ночью, чтобы экстренно решить вопрос: «На Питер наступают полчища генерала Юденича. Срочно нужна помощь. Откуда взять ее, если все способные держать оружие уже на фронте? Как помочь питерцам?» Решили послать из Москвы символический отряд из двадцати комсомольцев. Попросился

Домой приходил далеко за полночь. Это было время бурного строительства социализма и суровой борьбы с его противниками. В двадцать один год Косарев уже работал первым секретарем Пензенского губкома комсомола. В двадцать четыре — избрали секретарем Московского, а вскоре и Центрального Комитета ВЛКСМ. В двадцать шесть он стал генеральным секретарем ЦК комсомола.

Больше всего Косареву претил метод подбора комсомольского актива «под себя» или по принципу кумовства, семейственности.

— Живого, сильного, смелого парня-рабочего, который не заглядывает начальству в рот, не все наши работники выдвигают, — говорил он на VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. — Зачем, мол, связываться. Эта пролетарская публика, если считает себя правой, то, какие бы ты зполеты ни носил, она с большевистской страстностью пойдет на тебя в стыки. Вот почему некоторые и побаиваются выдвигать таких товарищей, а выдвигают тех, кто демонстрирует «верноподданность».

Администрирование, заседательскую суету и директивную бестолковщину Косарев называл «близнецами, существование которых одинаково вредно влияет на работу».

— За дымовой завесой бесчисленных заседаний, — рассуждал он, — иные комитеты не замечают, что интересуют и волнует нашу молодежь. В поисках чего-то необыкновенного наши рыцари заседаний и бесплодных директив совершают путешествие на край здравого смысла. Им невдомек, что их затеи, важно именуемые инициативой комитета, есть не что иное, как обычная канцелярщина.

Косарев беспощадно критиковал и «кабинетных» руководителей в комсомоле — он сам не любил засиживаться в четырех стенах. Его избрали гене-

вод — от ударника до директора — «живет дефицитной деталью». Она была своенравной «царицей» производства, капризно диктовала темп работы конвейеру. По предложению Косарева по следам этой «царицы» пошла «легкая кавалерия» (предшественница современного «Комсомольского прожектора»). Слабым местом оказалось планирование. Комсомольцы выдвинули встречный план и этим заставили администрацию внимательнее отнестись к организации труда рабочих.

Косарев был вездесущ. Его видели всюду — в цехах, в общежитиях, в рабочих столовых и магазинах; во все вникал, обо всем знал, потому и требования к дирекции, парткому и завкому выдвигал конкретные. А в один из выходных дней организовал массовую вылазку молодежи на зеленый берег Волги и отдыхал с рабочими целый день. Это начисто сразило администраторов, нацеленных на одно — «гнать план».

Всю работу на производстве комсомольцы подчинили лозунгу «Даешь пятидесятичный трактор!». А когда этот призыв был выполнен, право свести трактор с конвейера было предоставлено Александру. Машину подарили комсомолу. Позднее по предложению Косарева трактор был передан Наманганской комсомольской организации, ударно работавшей на хлопковых полях.

Поддерживая интересные предложения, поощряя их авторов, Косарев сердился, когда сталкивался с фактами «служебного» плагиата. Однажды на заседании бюро МК комсомола обсуждался важный вопрос. Косарев слушал его внимательно, но через несколько минут заскучал. Задал несколько вопросов. Докладчик отвечал путано и в конце концов замолчал, сконфуженный.

— Ну, что молчишь? — спросил Косарев резко. — Кто доклад готовил: сам

ПРОБЛЕМЫ

Мое знакомство с ним было чисто визуальным. В начале 1938 года нам, школьникам, готовящимся к вступлению в комсомол, порекомендовали прочитать перед заседанием бюро райкома последние речи Косарева. Но привлекли мальчишеское внимание не речи, а фотографии: «Косарев среди челюскинцев», «Косарев и Чкалов». На одной из фотографий — Косарев со Сталиным. Они приветливо смотрят друг на друга. Сталин даже ласково, по-отечески.

Я был комсомольцем, когда в мае 1938 года Косарев приехал в мой родной город снимать с работы первого секретаря обкома комсомола Бориса Флаксмана — «врага народа»...

— Читали речь товарища Косарева? — спросила нас на уроке учительница по истории. — Сильная речь, настоящего сталинца...

А несколько месяцев спустя по совету той же учительницы мы штудировали «Комсомольскую правду», где сообщалось, что Косарева сняли с работы, а потом объявили «врагом народа». Какое-то время его имя дружно чернили газеты — центральные и местные, — потом оно ушло в небытие.

Но так только казалось. Имя Косаре-

в отряд и Косарев, но снова получил ответ: «Сиди, мал еще для фронта. Потребуешься — сами призовем!»

Вот тогда-то и проявился характер молодого коммуниста (Саша вступил в партию незадолго до этого, в неполные шестнадцать лет). Тайком от родных, от партийной ячейки он удрал на фронт с «комсомольским» отрядом...

Оттремели бои за Питер. Саша работал инструктором Василеостровского райкома РКСМ. Через полтора года вернулся в Москву — уже опытным комсомольским работником. И сразу был назначен секретарем Бауманского райкома комсомола.

Шел 1921 год. Сложным для молодого секретаря райкома было это время. Предшествовавший период был так прост: ясно, где свои, где враги. Теперь же нпзан идет по тротуару с видом победителя, бросает безразлично прохожему рабочему: «А ну, посторонись, это тебе не восемнадцатый год...»

Масса неотложных дел навалилась на Косарева: надо организовывать комсомольские суботники, защищать интересы молодых рабочих и подростков на предприятиях (повсюду безработица), проводить «кружечный» сбор средств и продовольствия для голодающих Поволжья.

ральным секретарем ЦК ВЛКСМ 24 марта 1929 года. Целую неделю «надрывался» его телефон. Косарев исчез. Как сообщила чуть позже «Комсомольская правда», он выехал в Харьков для разъяснения молодежи решений пленума ЦК ВЛКСМ.

Отвергая «кабинетный» стиль, Косарев был и противником бесцельных поездок ответственных работников в первичные комсомольские организации, называл их «гастролями». Он запретил выезды в первички за сбором сведений. А местным работникам даже советовал выпроваживать таких «гастролеров».

17 июня 1930 года первый трактор сошел с конвейера Сталинградского тракторного завода. Но первый год принес много неудач: завод лихорадило, станки ломались, часто останавливался конвейер. Комсомольское руководство СТЗ растерялось. Молодежь завода нуждалась в срочной помощи. На СТЗ выехала бригада ЦК ВЛКСМ во главе с Косаревым.

Генеральный секретарь ЦК комсомола, одетый в синюю спецовку, ходил по цехам завода. А вечером во всех цехах и сменах комсомольцы и рабочая молодежь собралась обсудить вопрос: как наладить ритмичный выпуск тракторов. Общими усилиями установили: весь за-

или подчиненные без твоего участия писали?

Через минуту выяснилось, что автором интересных предложений, содержащихся в докладе, был другой работник, которого даже не пригласили на заседание бюро. Косарев настоял, чтобы вопрос этот с обсуждения сняли и на следующий раз вызвали работника, выдвинувшего толковые предложения.

Сам Косарев редко выступал по заготовленному тексту. Хотя писал много — и статей, и брошюр.

Аресты комсомольских работников начались в 1937 году. Первыми жертвами репрессий стали три секретаря ЦК ВЛКСМ — С. Салтанов, Д. Лукьянов, И. Файнберг, друг Косарева редактор «Комсомольской правды» В. Бубекин и многие другие. Перед комсомольскими работниками была поставлена задача: ищите врагов народа в своей среде. Через некоторое время прошли аресты секретарей обкомов ВЛКСМ и ЦК комсомола республик. Та же участь не миновала и секретаря Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи Василия Чемоданова. Сейчас, столько лет спустя, объяснить поведение Косарева трудно, но, к сожалению, нужно признать, что сам он не был всегда объективен, не всем, кому, на-

ЩЕ

верное, мог помочь, помог.

В августе 1937 года состоялся IV пленум ЦК ВЛКСМ, он продолжался восемь дней. Для многих сидевших в зале это были дни тягостного предчувствия — последние дни свободы. В духе резолюции, принятой по настоянию Кагановича, 29 августа была опубликована передовица в «Комсомольской правде». Кто-то лихо поработал над текстом, высветив имя Косарева в необычном для читателей свете.

А за месяц до пленума, 21 июля, Сталин вызвал его и секретарей ЦК ВЛКСМ Павла Горшенина и Валентину Пикину. «На ту беседу», вспоминает В. Ф. Пикина, — Сталин пригласил наркома внутренних дел Ежова. Разговор шел трудный. Сталин упрекал Косарева в том, что ЦК комсомола не помогает органам внутренних дел разоблачать врагов народа, что без помощи ЦК ВЛКСМ арестовано много руководящих работников комсомола. Косарев старался объяснить Сталину, что Центральный Комитет ВЛКСМ никакими материалами, компрометирующими этих товарищей, не располагает, а потому никакой помощи органам оказать не мог».

Косарев все ждал, когда Сталин заговорит о работе комсомола, о его ре-

альных проблемах. Но тот вел беседу в одном направлении: ЦК должен помогать разоблачать врагов народа в комсомоле.

«Уходили мы от Сталина с очень тяжелым чувством», рассказывала Пикина. — Мы поняли, что он остался недоволен нами, особенно А. В. Косаревым, которому по окончании беседы бросил упрек: «Вы не хотите возглавить эту работу».

После пленума «Комсомольская правда» вдруг одним махом изменила тон сообщений о Косареве. Он по-прежнему был генеральным секретарем ЦК комсомола, но в его адрес стали допускаться резко критические, а порой и оскорбительные замечания.

Сегодня это кажется чудовищным, но в те годы даже дети репрессированных — юноши и девушки — подчас верили в виновность своих отцов. И публично отрекались от них. Чем это было обусловлено? Лицемерием, трусостью, опасением за свою собственную жизнь? Было и это. Но чаще всего причиной была лишь слепая, фанатичная вера.

Образ мышления Косарева и его современников формировался под впечатлением громких судебных процессов, начавшихся в 1934 году. На сознание молодежи воздействовали многочисленные публикации о допросах и признаниях обвиняемых — людей известных, еще совсем недавно популярных в стране. Некоторые из них привлекались к суду неоднократно, и каждый раз — по более серьезным обвинениям. Если у кого-то изредка и возникали сомнения в справедливости этих обвинений, то слепая вера в чистоту карающей десницы тут же отменяла подобные сомнения.

После августовского пленума ЦК ВЛКСМ, на котором Косарев получил угрожающий сигнал, он не впал в панику, не сломился. Несмотря на грубые нападки в печати, по существу, полити-

ческую компрометацию, Саша поехал в командировку — на отчетно-выборные собрания и конференции Донецкой и Харьковской комсомольских организаций.

Из Донбасса с бригадой ЦК Косарев поехал в Харьков — на городскую конференцию. Вот как рассказывал о ней заведующий отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ Виктор Сорокин:

— Обычно комсомольские конференции проходили живо, и уж без песни никогда не обходилось... Но на этой ничего подобного не было. Делегаты быстро расселись по местам, в зале наступила гробовая тишина. Прения шли вяло. Прошел примерно час, и Косарев тихо сказал мне:

— Ты не замечаешь, что люди чем-то придавлены? В чем дело?

Вскоре все выяснилось. Перед перерывом слово предоставили председателю мандатной комиссии. На трибуну вышел человек в форме НКВД и заявил:

— К нам поступили сведения, что руководящие работники Богодуховского РК КП(б)У арестованы. С ними долгое время работала нынешний секретарь Харьковского обкома ЛКСМУ Дунашева. Есть предложение исключить ее из состава делегатов конференции как врага народа.

Косарев буквально подскочил на стуле. Это движение не осталось незамеченным и в зале, и в президиуме. Наступила тишина. Ждали, что скажет секретарь ЦК ВЛКСМ.

Наконец председатель спросил:

— Какие будут предложения?

Все молчали, молчала и Дунашева.

Взял слово Косарев. Он предложил сделать перерыв, а затем обсудить вопрос о Дунашевой.

Александр позвонил секретарю обкома КП(б)У Гикало. Тот ответил, что доверяет товарищу Дунашевой и нет никаких оснований снимать ее с работы секретаря обкома. Выяснилось, что на предыдущих заседаниях уже несколько делегатов исключены из состава конференции за связь с «врагами народа».

Косарев долго беседовал с Дунашевой и высказал недовольство ее поведением на конференции, тем, что она даже не попыталась возразить председателю мандатной комиссии.

После перерыва Александр обратился к делегатам:

— Вы посмотрите, что у вас творится. Вы боитесь смотреть друг другу в глаза. Вы не доверяете друг другу. Вы исключаете делегатов конференции за связи с «врагами народа», не разобравшись в существе дела.

Его выступление прерывалось сначала робкими, а затем все более дружными аплодисментами. С трибуны Косарев уходил под гром оваций. Но на лице его не было радости.

3 октября 1937 года А. В. Косарев написал Сталину записку, в которой, как свидетельствует В. Ф. Пикина, было указано: «Мною получено в Харькове до 150 заявлений о неправильном исключении из комсомола и снятии с работы по мотивам связи с врагами, враждебной работы и т. п. По малейшему поводу и зачастую без разбора исключают из комсомола... Самостраховка выгодна врагам партии, потому что честных людей на основании простых слухов, без разбора, без малейшей проверки выгоняют из наших рядов, тем самым озлобляют их против нас. Отказ от разбора предьявляемых обвинений, имевший место в Харькове, выгоден только нашим врагам».

Но остановить процесс репрессий комсомольских работников уже было невозможно.

В октябре 1938 года бывшая инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова написала заявление Сталину, в котором оклеветала многих партийных и советских работников, называя их врагами народа, а себя представив пострадавшей за борьбу с ними.

13 ноября Косарев, мрачный, как туча, ссылаясь на «указание свыше», предложил членам бюро принять решение «восстановить т. Мишакову на работу инструктором ЦК ВЛКСМ как неправильно освобожденную с этой работы в аппарате ЦК». Члены бюро сидели как оплеванные. Все понимая, они молча смотрели на Косарева, искренне ему сочувствуя. Стыдно было не за себя. За собственное бессилие.

О дальнейшем развитии событий рассказала В. Ф. Пикина: «По указанию Сталина 19—22 ноября 1938 года был созван пленум ЦК ВЛКСМ, на котором лично присутствовали Сталин, Молотов, Маленков. Выступая на нем, Сталин взял под защиту Мишакову, а справедливые действия ЦК ВЛКСМ расценил как пособничество врагам народа. На заявление одного из ораторов о том, что в работе комсомола имеется много ошибок, Сталин ответил: «А может, это система, а не ошибки? Слишком уж много ошибок. Два года вредительство ликвидируется, а ошибок все еще очень много. Нет ли тут системы?» На предьявленные обвинения А. В. Косарев заявил: «Лично я чувствую себя абсолютно спокойным. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу. И не изменю». Косарев был снят с работы.

Я хорошо помню наш последний разговор с ним. Кончилось заседание пленума. Александр Васильевич зашел в свой, теперь уже бывший, кабинет. Следом зашла я. Мы долго разговаривали с ним. Он говорил, что не все конечно, что он будет писать Сталину».

Никто, кроме близких и родных, не в состоянии рассказать о днях, прожитых Александром после того зловещего пленума. Вот рассказ Марии Викторовны Нанейшвили, жены Косарева:

«Он вернулся с пленума в смятении. Но покоя не было и дома. Мы жили тогда на даче. Выйдешь в парк — за каждым деревом стоят, смотрят. Он говорит: «Я так не могу, поедем к маме».

Сели в машину. Обычно, когда подъезжали к КП, ворота тут же раскрывались. А тут заперты. Через какое-то время их все же открыли. Мы выехали. А за нами — хвост, другая машина. Мы — к Сашиной маме, а они — за нами. Саша говорит: «Что толку...»

Вернулись на дачу. Так прошло три дня. На четвертый он пытался позвонить Сталину.

— Не волнуйся, Саша, — успокоили его из приемной. — Ты изнервничался, устал. Все будет в порядке. Пошлют на работу. Все обойдется.

Саша буквально ожил. «Поедем куда-нибудь, допустим, на Дальний Восток. Будем там работать». У него словно крылья выросли.

Потом мы поднялись к себе в спальню, слышим телефон — «дрын-дрын-дрын». Саша снял трубку — молчание. Звонит в ЦК комсомола дежурному: «Мне никто не звонил?» «Нет, никто».

Я говорю: «Саша, ты слышишь шаги на лестнице?» «Встань, посмотри», — отвечает. Я открыла дверь спальни.

Поднимается, никогда этого не забуду, человек в форме — и в носках! На цыпочках! С каким-то длинным, желтым лицом...»

«За «врагом народа» Косаревым приехал сам Берия, — вспоминает В. Ф. Пикина. — Кажется, это был первый случай, когда Берия присутствовал при аресте. Косарева он ненавидел».

Из рассказа Марии Викторовны Нанейшвили:

«Вот они вошли. «Товарищ Косарев, одевайтесь, поедем». Саша белый стал, прямо матовый. «Напрасно, — говорит, — это вы. Я честный человек». «Ничего — там разберутся. Поедем». Я спрашиваю: «А вещи какие-нибудь надо?» «Ничего не надо, завтра все передадите. Только скорей, скорей».

Когда его уже выводили, меня как молнией ударило. Я говорю: «Саша, пожди! Больше ведь не увижу...»

выборах штаба ЦК комсомола на БАМе, прошедших осенью прошлого года, «Смена» уже писала.

Кульминацией тех событий на БАМе стало обсуждение «Долговременной государственной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года», разработанной Госпланом СССР в 1987 году. В нее, по призыву одного из авторов, с помощью ножниц и клея была вмонтирована старая, не принятая ранее правительственными и партийными органами программа развития зоны БАМа. Новый документ был подвергнут достаточно ожесточенной критике — как экспертами и научными консультантами так и представителями трудовых коллективов и населения зоны БАМа. Отмечу лишь основные слабости «Программы».

Вся ее социально-культурная часть низведена до перечисления (по министерствам, административно-территориальным участкам и плитеткам) объемов строительства жилья, детских, школьных и лечебных учреждений. Ни одного клуба, музея, дворца спорта, парка, кинотеатра, культурного центра, библиотеки, стадиона, бассейна, санатория, курорта, института, техникума, ресторана, гостиницы, кемпинга и тому подобного «Программой» не предусматривается, хотя производственные объекты расписаны с удручающей скрупулезностью, вплоть до селекционной станции с двадцатью сотрудниками.

Строительная программа ориентирована исключительно на железобетонное домостроение — самое неподходящее для местных условий, — к тому же с использованием явно устаревших либо не соответствующих здешним условиям серий домов.

«Программа» не дает никаких представлений о том, что видится здесь в идеале, будут ли к 2000 году реализованы те или иные идеи или модели, теоретические построения, либо 2000 год — всего лишь некоторый временной рубеж в этой реализации, либо вообще никаких теорий, идей и целей просто нет...

Весьма спорна и сомнительна ориентация на самообеспечение сельскохозяйственной продукцией. Сама по себе перспектива создания животноводческих комплексов в зоне БАМа вызывает серьезные опасения: по своему воздействию на окружающую среду один свинооткормочный комплекс может быть приравнен к городу с населением в 100 тысяч жителей. (Самый большой город на БАМе — Нерюнгри — насчитывает, включая поселки, всего 81 тысячу.) При этом себестоимость килограмма мяса даже на юге Амурской области достигает 18 рублей. При отсутствии какой-либо местной кормовой базы, квалифицированных кадров и материально-технической основы какова будет себестоимость мяса в Тынде?

Так как «Программой» не предусматривается создание каких бы то ни было техникумов, институтов, ПТУ, то она, естественно, воспринимается как документ, рассчитанный на одно поколение жителей: дети нынешнего поколения должны будут уезжать отсюда, чтобы получить образование, специальность и работу. Да это уже и происходит. Демографическая ситуация на БАМе (высокая рождаемость, многодетность) в «Программе» не рассматривается, и все расчеты строятся на среднесоюзных показателях. Между прочим (хотя это совсем не между прочим, а, пожалуй, самое важное): социально-культурная неустроенность — одна из причин высокой, катастрофически высокой детской смертности на БАМе. Местные кладбища «заселе-

ны» вовсе не стариками, которых здесь еще очень мало, а детьми и пьяницами.

И все это лишь отдельные штрихи, даже не абрис критики «Программы». К чести Госплана, следует признать, что данный документ имеет открытый характер и в принципе предназначен для широкого обсуждения в трудовых коллективах. Жаль только, что такую принципиальную возможность (крайне редкую в практике Госплана) сами же работники этого ведомства пытались свести к привычному келейному рассмотрению среди «своих».

Лейтмотивом многих выступлений при обсуждении «Программы» звучал призыв к переходу от строительства в зоне БАМа к освоению этой зоны. Никто, правда, так и не мог дать удовлетворительного толкования, что же такое «освоение», хотя версия и гипотез было высказано достаточно. Многие вопросы поставлены, но остались без ответа. Многие проблемы вскрыты и подняты, но не решены. В их напряженном и мучительном ряду — экологические проблемы, необычайно ярко, зримо, рельефно сопряженные с проблемами демократизации, духовности бытия, культуры и истории. Проблемы национальные, политические, нравственные.

В ряду важнейших стоит выделить конгломерат проблем научного освоения. Прошло уже четыре всесоюзных конференции и состоялось двадцать пять научных советов по БАМу. Изучая эти материалы, видишь полное отсутствие преемственности. Гигиенисты и медико-географы присутствовали только на одной конференции. Были выданы авансы и заказы на последующие исследования. Но широкая научная общественность уже никогда не узнает хода этих работ, тематические жанры сменялись, и к ним не возвращались. Даже удивительно, как некоторым ученым удалось проводить свои исследо-

вания на БАМе в течение 15 лет. Впрочем, один способ известен: для этого следует менять место работы и уходить туда, где еще сохраняются, а еще лучше — разворачиваются исследования по БАМу.

При этом сказать, что зона БАМа всесторонне изучена, также нельзя, так как никто не определял, сколько и каких должно быть этих сторон. Ну, например, археологических, этнографических исследований явно недостаточно. Синологи, политологи вообще не выходили на этот плацдарм. И, как выясняется, зря.

Имела место и определенная прерывистость в исследованиях, судорожные возвраты к уже проведенным исследованиям, их подновление и очередное забвение. Таковы, например, исследования в области смежных видов транспорта — морского, автомобильного, речного, авиационного. Итог этих разработок таков, что зона БАМа в настоящее время и в обозримой перспективе лишена необходимой сети автодорог. Железнодорожная магистраль вынуждена выполнять несвойственные ей функции местного развоза и сообщения.

Исследования чаще всего проводились уже после принятия решения и были, следовательно, не исследованиями, а наукообразными оправданиями и хоть какими-нибудь объяснениями того, что уже сделано либо решено.

Масштаб научных исследований также не соответствует требованиям практики. Так произошло с Северо-Муйским туннелем. Туннелестроителям был выдан аванс в виде скального монолита. В ходе же работ выяснилось (с жертвами, катастрофами и авариями), что трасса проложена по тектоническим разломам с удивительной и роковой точностью попадания в самые тяжелые и невероятные условия.

Ни одно решение не явилось результатом конкурса научных идей и концепций. Каждый раз это было единствен-

ДОРОГА.

Александр ЛЕВИНТОВ,
кандидат географических наук

ное решение (варианты, предлагаемые в рамках одной разработки, — всего лишь варианты, а вовсе не принципиально — по методу и концепции — альтернативы). Боязнь конкуренции, отгораживание своей тематики от внешнего мира и воздействия, сооружение глухих мембран и научных куреней и всегда-то небезопасны, а при исследовании единого объекта, каким является зона БАМа, чреватые.

Здесь самое время сказать о соотношении академической, фундаментальной науки, региональных и отраслевых исследований. Во-первых, из-за ведомственно-местнических перегородок фундаментальная наука реально не взяла на себя роль координатора, ограничившись проведением конференций и принятием резолюции. Во-вторых, отраслевые и региональные исследования оказались в разных «весовых категориях»: сверхмощные отраслевые институты и стоящие за ними всесоюзные министерства и ведомства откровенно правили бал, а региональные золушки стояли у окон дворца и выполняли работы мелкие, черные и незаметные.

На БАМе проявилась и еще одна негативная черта всей науки в восточной части страны. Речь идет о ее персонафицированном характере. Спрашиваем в одном хабаровском институте: «А почему у вас закрылась тематика по БАМу?» — «Руководитель работ переехал в Ростов». В Иркутске: «Уехал в Свердловск». «Уехал в Москву». А вот еще один вариант ответа: «Наше новое руководство больше интересуется КАТЭКом. У нового директора докторская по КАТЭКу». И так далее. Уехал научный лидер — и нет важнейших для региона, отрасли, страны исследований!

И все-таки, как ни тяжела ситуация с научным освоением зоны БАМа, а планка, преодоленная наукой, просто недостижима для проектирования. Разрыв между наукой и проектированием непозволительно, преступно огромный. На полках пылятся исследования, а проектировщики принимают слепые решения методом «там посмотрим».

Природа играет со строителями и освоенцами злую шутку, напоминающую кошки-мышки. Последние годы (шесть из семи) были засушливыми и маловод-

ными. Достаточно сильного, даже не катастрофического, увлажнения — и построенное на высокотемпературной мерзлоте — хлюп! — исчезнет бесследно в коварных хлябях. Ученые-мерзлотоведы рекомендуют, предупреждают, предостерегают, однако их прогнозы остаются втуне, как невыгодные и не соответствующие сиюминутным интересам. При обсуждении слабой связи науки с практикой, очевидно, следует не только обвинять науку в непрактичности, но и выявлять причины, по которым практика упорно не желает учиться научным предсказаниям и предупреждениям: слишком она ориентирована на узкий круг сегодняшних бед и забот, а ответственность реальна лишь на ковре у начальника и обрывается за проходной ведомства, района, области. Собственно за жизнь на БАМе во всей ее полноте и сложности не отвечает никто — ни в одиночку, ни коллегиально.

Такова на сегодняшний день научная обеспеченность «Программы», отдельных знаний вроде много, а концепции нет. И никто не представляет себе, какой должна быть в идеале зона БАМа.

Раздел «Программы», посвященный охране природы, занимает менее страницы и настолько формален, что не может рассматриваться как объект для критики:

— «в бассейне озера Байкал — предусмотрено осуществление мер по полному прекращению сброса в озеро неочищенных сточных вод, сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу, резкому улучшению санитарного состояния населенных мест, соблюдению природоохранительных требований во всех видах хозяйственной деятельности, созданию заповедных территорий и национальных парков»;

— «в зоне лесов — предусматриваются интенсивное лесовосстановление, рациональное использование всех природных и биологических ресурсов лесов Дальнего Востока, уменьшение заготовок кедровой древесины, строгое соблюдение правил рубок лесов и лесопользования, повышение эффективности охотничьего хозяйства».

У нас стало тривиальным словосочетание — «рациональное природопользование» либо «рациональное использование природных ресурсов». И уже мало кто задумывается над тем, может ли такое быть вообще? На извлечение и переработку тех или иных видов сырья, топлива, природных материалов оталекаются огромные массы средств — материальных, финансовых, трудовых, технических. Львиная доля науки отдана этой проблематике. Опыт БАМа с наглядностью и очевидностью возвращает нас к изначальному вопросу о проблематичности и принципиальной возможности (правильнее — невозможности) рационального освоения и использования естественных ресурсов. Вот только два примера.

Себестоимость коксующегося угля, добываемого в Нерюнгри, составляет 35 рублей за тонну. Продаем его в Японию по 32—33 рубля. А ведь уголь еще надо довести до порта Восточный Кетати, и добыча-то производится преимущественно с помощью японской и канадской техники. Странная валютно-технологическая система получается: с помощью чужой техники и ради чужих нам интересов отдаем собственный естественный ресурс с убытком для себя. К этому следует также добавить, что половину добываемого угля (энергетические угли) мы вовсе не вывозим из Нерюнгри, а складываем поблизости. То же происходит со вскрышными породами. Бесконечные отвалы слабо спекающихся энергетических углей и вскрыши (по нашим оценкам, их запасы к концу века составят кучи астрономических размеров в полмиллиарда тонн), богатые тяжелыми металлами и, возможно, уже сейчас более ценные и необходимые для нас, но не составляющие интереса для Министерства угольной промышленности, «озяна» местных недр, пока ложатся лишь тяжким грузом на себестоимость экспортируемого коксующегося угля.

В зоне БАМа под видом заготовки древесины идет интенсивное уничтожение леса, хотя уже сейчас очевидно, что лес на корню гораздо более дорогой ресурс, чем дрова, пиломатериалы, технологическая шпала, бумага, целлю-

лоза, спички, мебель и все прочее, что мы производим или только намереваемся производить из климаторегулятора, охранителя почвы, воды, грибных, ягодных и охотничьих угодий, плантаций целебных дикоросов и естественно-го бальнеологического курорта, любимой всеми среды отдыха и уединения, среды обитания многих видов зверей, птиц и других организмов, источника душевного покоя и творческого подъема, красоты и гордости нашей страны и нашей природы.

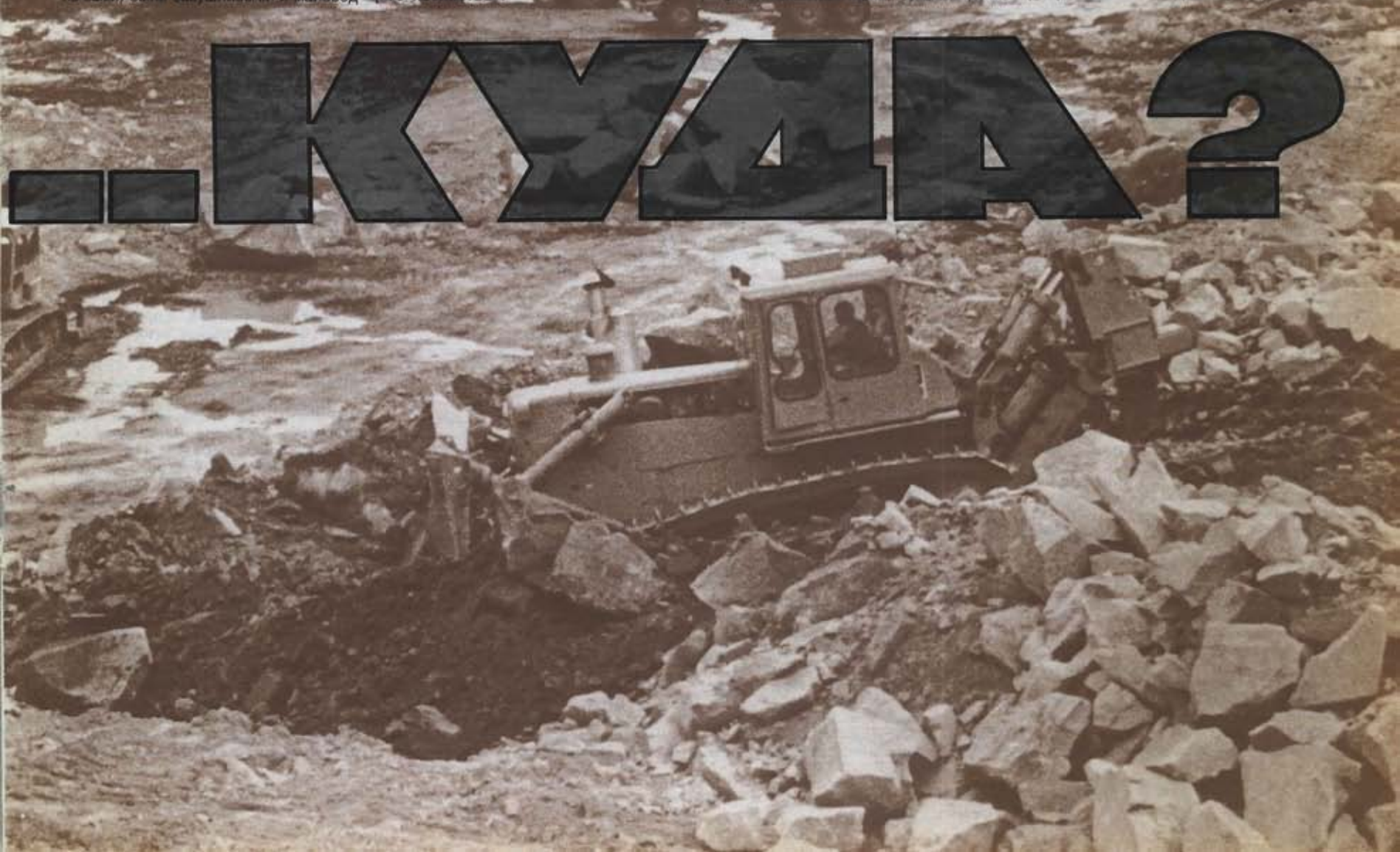
С горечью, болью и обидой узнали участники организационно-деятельных игр в Тынде, что даже совсем незначительные лесовосстановительные и рекультивационные работы носят сугубо бумажный, ритуальный, фиктивный характер. Отчеты лесников содержат лишь сведения о размерах лесопосадок в гектарах, а реально на тех гектарах не растет ничего: тайга невозможна, особенно ставшие редкими, почти реликтовыми породы — кедр, лиственница. И у лесников есть вал по вырубкам, гораздо более напряженный, чем по лесопосадкам.

Едешь по БАМу — как сквозь строй свидетелей обвинения, как в жутких кошмарах кладбища. Тонюсенькая линия железной дороги — и огромные, уходящие за горизонт ареалы обезображенной земли, обгорелый и выжженный лес, черные скелеты деревьев, Тайга невозможна. Ни естественно, ни искусственно. Природа обладает скверным характером: она не любит повторяться. При всем этом конкретного виновника и преступника искать бесполезно. Он — этот преступник — аноним и массовиден. Он — это мы, наше общество, допускающее, разрешающее и даже поощряющее подобное. И нечего оглядываться по сторонам в поисках виновного...

Что же по этому поводу говорит «Программа»? Получат дальнейшее расширение пять леспромпхозов в Хабаровском крае и один в Амурской области, будет создано дополнительно 13 новых да еще сеть мощных исправительных учреждений по лесорозвалу под эгидой МВД СССР. И сколько угодно могут кричать ученые и писатели об охране лесов. Бездействуют право и за-

... КЖУДА?

✉

Прошу опубликовать мое письмо, но не указывать мою фамилию, имя и город, так как он у нас небольшой. У меня двое детей: одному мальчику год и восемь месяцев, второму — восемь месяцев. Так уж получилось, второй ребенок — непоправимая ошибка. С мужем мы не живем, нет условий для совместной жизни. Я второй год в последнем отпуске. Зарплата моя раньше была 80 рублей, и воспитывать двоих детей я не смогу. Отец второго ребенка взять его себе отказывается, хотя условия у них отличные — месячный доход не менее 700—800 рублей в месяц, да еще свое хозяйство. Свекровь работает в спецшколе, воспитывает детей, а своего внука взять не хочет. У меня одна мать и зарплата 80 рублей — растить с пеленок двоих детей нам тяжело, и день и ночь без отдыха. Поэтому прошу, чем отдавать ребенка в дом маляжки, может, кто захочет взять мальчика себе?

Н.К.

✉

Я работаю в службе спецконтроля аэропорта Одессы. Главная цель нашей службы — не допустить воздушного терроризма, обеспечить безопасность полетов. Но какими способами мы добиваемся этого? Почему проводимая нами высокотехнологичная и оправданная во всех отношениях процедура превратилась в настоящую пытку и для нас, и для пассажиров? У нас нет сколько-нибудь приспособленных помещений для досмотра, отсутствуют какие бы то ни было удобства для пассажиров, и, наконец, главное: вся наша «аппаратура» — это в основном стол и пара рук. Я не могу спокойно смотреть, как сотрудники службы превращаются в грубых, нетактичных, почти всегда раздраженных досмотрщиков. И их можно понять: кому приятно «четко и добросовестно» (согласно инструкции) рыться в личных вещах?

Я считаю, что в Одессе вероятность повторения иркутской истории велика, как нигде. Действительно, то убожество, которым мы располагаем, аппаратурой назвать трудно. Я имею в виду стационарные металлоискатели типа «Гвоздика», аппараты МИП-2. Как объяснить женщине, что глупая машина не может отличить каблучки ее туфель от бомбы?

Все наши попытки добиться создания нормальных условий для работы наталкиваются на дежурный ответ: нет аппаратуры. Но почему дело должно страдать из-за ведомственной несогласованности? Почему бы не выйти на прямую связь с зарубежными фирмами? Неужели нужно ждать нового ЧП?

Владимир ЧИРНИЕНКО,
Одесса

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы по праву восхищаемся героизмом тех, кто вступает в схватку с бандитами на воздушном судне, но почему они должны рисковать своим здоровьем, жизнью, расплачиваясь за издержки ведомственной бюрократии? Сколько нужно еще ЧП, чтобы в высоких кабинетах Аэрофлота наконец-то поняли простую истину: рубль, израсходованный на здоровье и безопасность людей, в конечном итоге сторицей возвращается по статье доходов. Может быть, у руководства Аэрофлота есть другая точка зрения? Мы готовы ее выслушать.

✉

Вношу поправку в интервью В. Л. Янина («Смена» № 11, 1988). Корреспондент «Смены» говорит: «Будем говорить прямо: нынешнее переиздание Соловьева и Ключевского, разошедшееся по лотерейной подписке...»

Увы, по лотерее его еще хоть как-то можно получить, но в Воронеже Ключевского и Соловьева обком КПСС раздал по записочкам — закрытая была подписка! Вроде того знаменитого доклада Хрущева на XX съезде.

Вот такие дела. А вы еще пишете о спецбуфетах, спецбольницах, спецшколах. Есть и спецподписка!

Михаил ГОСТЕВ,
Воронеж

✉

В газетах сейчас много пишут о культуре личности Сталина. Но почему не разоблачают ту «зондеркоманду», которая была оружием в его руках, которая самозабвенно исполняла приказы Сталина об арестах, пытках, расстрелах. Многие и сейчас живы, прячутся где-то за нашими спинами! Не секрет, что пособники Сталина ушли на отдых, имея персональные пенсии. Реабилитированные же коммунисты смирились: годы не те, чтоб поднимать голос против бывших своих палачей, которые и по сей день живут в здравии на полном государственном обеспечении. А надо выводить их на чистую воду! Пока живы еще старые коммунисты, которые могут опознать их.

Н. МОРОЗОВ,
Приозерск

✉

Постоянно читаю журнал и, конечно, рубрику «Читатель — «Смена» — читатель», где печатаются интересные письма о взаимоотношениях между людьми. Немного о себе. Мне 25 лет. В 1985 году был осужден к длительному сроку заключения, который отбываю и сейчас. Пишу вот почему. У большинства из нас, заключенных, нет близких друзей. Либо мы их растеряли, либо они нас при первой же беде бросили. Прошу помочь мне и таким, как я, найти друзей. Понимаю недоумение многих: это кто говорит о дружбе и друзьях? Те, кто изолирован от общества за нарушение законов, за преступления? Но я прошу не забывать, откуда мы все. Ведь все мы из общества людей, и что бы там ни говорили, но ведь мы скоро вернемся обратно в это общество. Я уверен в себе, и многие меня поддержат: мы не потерянные для общества люди. Любой человек может ошибиться. Другое дело, что эта ошибка может стать роковой. Мы здесь многое пострадали, многое поняли.

Владимир АРТИУШКИН

✉

Я всегда считал, что любви достойны только однолюбы и только они способны любить. Пишу в редакцию первое и последнее письмо. В мою жизнь ворвалось несчастье.

Я женился по любви и был счастлив почти шесть лет. Мне казалось невероятным иметь столько счастья. И вдруг вечное, прочное счастье лопнуло, как мыльный пузырь. Я узнал, что моя любимая — бывшая проститутка и кукушка, бросившая своего ребенка в роддом. Я искал, но не смог найти ребенка

моей бывшей жены, а в родильном доме меня даже не выслушали.

У меня больше ничего и никого не будет в жизни. Я однолюб.

Н. К.,
Витебск

✉

Министерство здравоохранения СССР в связи с публикацией в журнале «Смена» письма Воробьевой Р. Н. из Кисловодска о приобретении коляски для ее дочери 5 лет, страдающей нарушением опорно-двигательного аппарата, дополнительно сообщает следующее.

Министерство социального обеспечения РСФСР в ответ на наш запрос сообщает, что, по сведениям, полученным от Ставропольского краевого отдела социального обеспечения, вопрос об обеспечении дочери тов. Воробьевой Р. Н. креслом-коляской в настоящее время рассматривается. Указанной коляской дочь тов. Воробьевой будет обеспечена после необходимой подгонки ее конструкции на одном из предприятий Кисловодска с учетом возраста и индивидуальных особенностей ребенка.

Заместитель министра
А. А. БАРАНОВ

✉

Пожалуй, все знают, как трудно жить инвалидам. Сейчас об этом часто пишут. Я и мой старший брат Константин — инвалиды с рождения. Мне 15 лет, брату 23 года. Все это время, всю свою жизнь сидим дома — мы не можем ходить. Да, нам трудно. Даже очень. Трудно назвать жизнь только по книгам. Трудно не отстать от жизни. Но самое страшное — одиночество. Конечно, у нас есть родители, замечательная мама. Но родители не могут заменить друзей. Я окончила три класса. Ко мне домой ходили две учительницы. Меня принимали в пионеры. И даже два раза приходили одноклассники! Но учителя давно не ходят, а одноклассники очень быстро забыли меня. Брат проучился два класса, и друзей после школы у него не осталось. Вот так и живем. Пишу не для того, чтобы пожаловаться. Совсем нет. Единственная наша просьба — помогите нам с братом найти друзей.

Наш адрес: Иркутская область, Черемховский район, город Свирск, улица Комсомольская, дом 2-а, квартала 6.

Ксения и Константин
КУРГАНСКИЕ

✉

«Теплоход «Зоя Космодемьянская» — редакции журнала «Смена». «Прочитали в № 15 журнала очерк «...И одна ночь» Евгения Додолева. Идем в Сингапур. Какие кассеты нужны группе Гдьяна — видео или обычные? Радируйте. С уважением, Мельников».

Такую телеграмму получили мы от наших читателей-моряков, желающих оказать хоть какую-нибудь помощь особой группе Прокуратуры СССР. Редакция тут же связалась со старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Тельманом Хореновичем Гдьяном и сообщила о предложении моряков. Руководитель группы просил нас поблагодарить товарища Мельникова и передать, что вопросы снабжения всем необходимым для работы решены.

В редакцию ежедневно, начиная с первых чисел августа, пишут и звонят недоумевающие, обиженные читатели из Москвы, Свердловска, Краснодара, Владивостока, Красноярска, Минска, Ташкента, Риги и других городов, у которых не приняли подписку на «Смену», хотя журнал не числится в списке лимитированных изданий.

Конечно, такое положение взволновало и редакцию.

Что же происходит? Чтобы ответить на этот вопрос читателям, оставшимся без подписки на «Смену», мы обратились к заместителю министра связи СССР МАНЯКИНУ Евгению Алексеевичу.

— Евгений Алексеевич, как объяснить создавшуюся ситуацию?

— Во-первых, я хотел бы пояснить всем подписчикам, что Министерство связи тиражную политику в стране не определяет. Эти вопросы не входят в нашу компетенцию. Мы обязаны, в пределах выделенных нам тиражей, обеспечить своевременную подписку на газеты и журналы. Говоря о журнале «Смена», мы ориентировали все наши организации на уровень этого года, то есть в объеме 2 млн. экземпляров. Никаких ограничений на подписку журнала мы не устанавливали. Контроль за уровнем и темпами подписки поручен республиканским и областным управлениям «Союзпечати». На сегодня в министерстве нет сигналов по поводу каких-то нарушений с подпиской на «Смену».

В подтверждение своих слов Евгений Алексеевич связался с Минском, Ригой, Ленинградом и Москвой. В считанные секунды мы получили информацию о ходе подписки в этих городах.

— Но ведь может получиться так, что в каких-то регионах спрос на журнал будет выше, чем в этом году, а в каких-то наоборот. Как быть в таких случаях?

— Да, действительно, такая ситуация возможна. В таких случаях мы оперативно можем произвести перераспределение между республиками и областями, такая же возможность существует и у территориальных управлений «Союзпечати». Конечно, здесь нужна полная гласность: наши организации обязаны постоянно информировать своих подписчиков, и, если возникнут какие-то сложности, то мы сможем своевременно принять меры. Пока тираж не будет выбран.

— А как же быть с письмами, звонками, поступающими в адрес нашей редакции?

— Эти факты говорят о грубейших нарушениях нашими работниками положения о подписке. Мы внимательношим образом разберемся с каждым конфликтным случаем. Наше министерство стоит на страже интересов подписчиков, мы заинтересованы в полном удовлетворении читательского спроса. До 1 ноября читатели могут оформить подписку на «Смену».

— Евгений Алексеевич, спасибо вам за разъяснение. Надеемся, что «Смена» не потеряет своих подписчиков.

В статье «...И одна ночь» («Смена» № 15, стр. 18) говорится о том, что Л. И. Брежнев, будучи в Баку, принимал роскошный перстень от Алиева. Поскольку редакция не располагает документальными доказательствами по данному эпизоду, мы приносим свои извинения Г. А. Алиеву и нашим читателям.

ВКОРБ

Не отводите глаза.
 Не спешите перевернуть страницу.
 Потому что это произошло
 рядом с нами, в наше время.
 А значит — в нашей жизни,
 в нашей судьбе.
 Горе, непереносимее которого
 быть не может.
 Горе матери,
 потерявшей сына...
 Он погиб далеко от родного дома,
 зыполняя долг
 и приказ. Там, где мать не могла
 его уберечь.
 И теперь родная земля,
 на которой он
 так недолго прожил,
 принимает его в себя...
 Не отводите глаза.
 Мы слишком долго прятали их
 и жили так, будто рядом с нами
 ничего не происходит.
 Мы слишком долго говорили
 вполголоса о тех,
 кто сражался там, сражался
 и погибал.
 Мы молчали, словно не видя

могил молодых парней,
 датой смерти которых стало
 наше время. И не писали
 на надгробиях, где они погибли,
 словно боясь и стыдясь чего-то.
 Мы уже не в силах помочь им,
 но неужели неспособны
 воздать должное памяти павших?
 Эти парни ушли из жизни,
 но они не должны уйти
 из нашей памяти,
 как бы горька,
 тяжела она ни была.
 Ибо память делает нас людьми.
 Память и знание.
 Пусть отдавшие жизнь
 вечно живут в нашем сердце.
 Будем помнить о том, что
 рядом с нами живут их матери.
 Матери, потерявшие сыновей.
 Протянем руку, поделимся
 живым
 теплом участия с ними.
 С близкими их.
 С теми, кто вернулся опаленным
 огнем войны.
 Не отводите глаза.

В ПАМЯТЬ

Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

Юрий НАГИБИН

СПРИНТЕР
ИЛИ СТАЙЕР?

Малыш любил следить, как по утрам отец обихаживал свои ноги. Едва вскочив с постели, отец тщательно осматривал большие, красивые, длиннопалые ступни. Он щупал, гладил, мял их с таким озабоченным видом, что малышу начинало казаться, будто ноги отца, пока тот спал, жили самостоятельной опасной жизнью: странствовали по трудным дорогам, изнашивали себя на горных тропах, сбивались о камни, корни, бугры.

— Волка ноги кормят...— бормотал отец, подмечая заинтересованный взгляд малыша.

Оглядев и ощупав ноги, отец наливал в таз теплой воды и аккуратно смывал тальк, которым пересыпал пальцы перед сном. «Ноги должны дышать» — знал малыш еще одно золотое правило ухода за ногами. Вначале он не понимал, что это значит: разве ноги могут дышать? Но отец объяснил, что в коже находятся крохотные дырочки, глазом их не увидишь, и сквозь эти дырочки проникает воздух. А тальк засоряет дырочки, и ноги перестают дышать.

Смыв тальк, отец начинал массировать икры, голени, ступни, разминать суставы. Затем наливал в таз горячей воды и долго держал в ней ноги, блаженно покрывая и жмурясь. Хорошенько распарив ступни, отец мыл ноги до колен с мылом, после чего насухо вытирал их полотенцем.

Особое внимание отец уделял пяткам. Он разглядывал их, затаив дыхание, рот его приоткрывался, как у мороженого судака, голубые глаза выпячивались из глазниц. В эти минуты малыш меньше любил отца. Но вот отец что-то находил, уродливая маска спадала, открывая его обычные любимые черты. Отец доставал из плоской коробочки лезвие безопасной бритвы и ловко срезал крошечное затвердение, лоскуток мертвой кожи; бескровную ранку присыпал каким-то порошком или смазывал белой мазью. Свинтив бритву, отец некоторое время скреб ею пятку, с кожи сползали светлые шелушинки. Отец обмывал пятки спиртом и смазывал тончайшим слоем жира.

Теперь отец вооружался ножницами, кусачками, пилочкой, и начиналась обработка пальцев. Он подхватывал палец ноги указательным пальцем левой руки, придирчиво осматривал, потом подстригал или подпиривал ноготь, а кусачками откусывал лишнюю кожу вокруг ногтя. Каждый такой обработанный палец отец смачивал теплой водой, слегка оглаживая пемзой, и вытирал.

Особой заботы требовал большой палец с твердым желтоватым ногтем, к нему отец неизменно прикладывал все инструменты и очень долго тер пемзой. А случалось, производил настоящую операцию: срезал нарост на ноготь кожу, и тогда в ход шли скальпель, пинцет, вата, йод. Странное тепло охватывало душу малыша. Он так сильно чувствовал в эти минуты и дом, и отца, и всю заботливую надежность жизни вокруг! По утрам в комнате было особенно тепло, как будто сны, привидевшиеся малышу, отцу и матери, согревали воздух. Малыш всем крошечным существом своим впитывал добро родного крова, тепло близкой жизни.

Мать приносила отцу шерстяные кальсоны, гревшиеся всю ночь на батарее. Отец объяснил однажды малышу, что кальсоны должны быть совсем сухими. Давно, когда он был еще молод и неразумен, он надел влажные после стирки кальсоны, и у него свело ноги. Так же с батареи отцу подавались две пары носков: бумажные и грубой, плотной деревенской вязки — шерстяные. Отец обувался неторопливо: разглаживал на носках все складочки, морщинки, закреплял подвязки, заботливо следя, чтобы не слишком туго было в икрах, чтобы пряжка не давила на кость или крове-

носный сосуд. В ботинках он часто менял стельки и шнурки. Стельки он вкладывал в зависимости от погоды: то войлочные, то байковые, то шерстяные, то «соломенные», как называл малыш плетеные светленькие стельки. Шнурки отец проверял на разрыв, шнуровал ботинки крепко, до отказа. Промыв ноги в подьеме, отец делал небольшую пробежку на месте, подпрыгивая раз-другой, затем натягивал брюки, рубашку и джемпер, мылся в кухне над раковиной, пил чай. Перед уходом из дома отец громко, плотно вталкивал ноги в блестящие черные калоши, которые носил во все времена года.

Куда уходил отец? Об этом особенно сладко думалось малышу. От дворовых ребят малыш знал, что отец его бегун. Ребята только не могли решить, на какую дистанцию он бегаёт. Они приставали к малышу: папа — спринтер или стайер? Но малыш не мог им ответить. Он всякий раз собирался спросить об этом отца и неизменно забывал трудные слова, хотя давно научился понимать их смысл. Но самому малышу было безразлично, что он не знает, на близкие или на дальние дистанции бегаёт отец. Малышу было всего шесть лет, он имел полное, завершённое представление о мире, ничуть не уступающее представлению любого взрослого человека. Вся разница была в том, что малыш мог обходиться без некоторых подробностей, необходимых взрослому человеку. В этой законченной картине мира не было белых пятен от неведения бегунской специальности отца. Там было все полно, насыщенно и ярко: на прекрасных ногах Великий Бегун, отец малыша, мчится по дорожке стадиона под ликующие крики восторженной толпы, мчится быстрее всех к сверкающей, как звезда новогодней елки, Победе. И разве важно: спринтер он или стайер, чтобы любить такого замечательного отца и безмерно гордиться им?..

Меж тем отец на двух трамваях продвигался к своему рабочему месту. Он мог бы доехать троллейбусом без пересадки, но троллейбус на этой линии всегда ходил перегруженный; одержимо продирающиеся к выходу пассажиры могли не то что отдавить — разозжить ноги. А трамваи, облюбованные отцом малыша, ходили полупустыми. Отец малыша выбирал себе местечко на задней площадке прицепа вагона, он стоял спиной к выходящим, предоставляя их космолости лишь задники калош. Правда, и после второго трамвая приходилось еще пешком идти несколько кварталов, но это было лучше, чем подвергаться опасности троллейбусной давки. Приарбатские переулки, по которым пролегал путь отца малыша, содержались в чистоте и порядке, в гололед были посыпаны рыжим песком, тут не поскользнешься, не споткнешься, иди хоть с закрытыми глазами.

В положенный час, минута в минуту, отец малыша появлялся на дистанции, начинавшейся от угла Серебряного переулка и кончавшейся у магазина «Консервы». И хотя тут не было и полутораста метров, отца малыша следовало считать стайером, а не спринтером, поскольку за восьмичасовую вахту ему предстояло отмерить эту дистанцию не менее ста раз. И это не считая разминочного переступа, неспешного, с перевальцем шага на месте, необходимого для сохранения формы.

Подозревавший со своим двойником — тот же прозеиненный плащ, черная кепка, кожаные перчатки и блестящие калоши, — отец малыша сразу принял старт. Для начала всегда хорошо пройти дистанцию раза два без остановок, обретаются второе дыхание, улавливается ритм уличной жизни, который при всей своей кажущейся одинаковости всякий раз иной. Это трудно объяснить, да и не в объяснении дело, но

многолетний опыт научил отца малыша, что на протяжении дня без видимых причин уличный ритм меняется: движение людей и машин то становится быстрее, порывистее, нервнее, то затихает в сонливом покое; порой воздух, словно электричеством, насыщен ожиданием происшествий, порой благостно умиротворен. Нельзя предугадать все приливы и отливы, но чувствовать их обязан каждый, кому доверено наблюдение за такой улицей, как Арбат.

Кажется, велика ли забота проследить, чтобы на твоём участке ничего не случилось, когда в черной бронированной машине с непробиваемыми стеклами, сопровождаемый еще двумя машинами, набитыми вооруженными людьми, Сталин едет на дачу, а потом возвращается назад? Да, велика! Для этого надо в течение всего остального времени неуныпно наблюдать за уличной толпой, за машинами, промелькивающими мимо, за парадными и подворотнями, выходящими на улицу, за школьниками, идущими в школу, что в Старо-Конюшенном переулке, за учащимися Вахтанговского училища, за мальчишками и девочками, слепо мчащимися в магазин патефонных пластинок, за служащими райсанупра, сберегательной кассы и магазина военной книги, за нянками, ведущими своих питомцев полюбоваться золотыми рыбками и черепашками в зоомагазин, за зрителями, стекающимися по вечерам к Театру имени Вахтангова и оперной студии Чайковского, за посетителями киношки «Арс», за хозяйками, спешащими в диетический магазин и Смоленский гастроном, за больными, ковыляющими к поликлинике в Серебряный переулок, за студентами, облюбовавшими кафе-мороженое не столько ради пломбира, сколько ради портвейна «Три семерки», за парочками, ищущими уединения в поздние часы, за почтальонами, работниками Мосгаза и Могэса, за врачами скорой помощи и неотложки, за крысоловами и клопоморами, за собаками, кошками, голубями, галками, воронами и воробьями. Непосвященному кажется, что жизнь Арбата протекает, как и жизнь других улиц, подвластная внутреннему закону, а также светофорам и правилам уличного движения. Быть может, тут несколько чаще и требовательнее звучат свистки милиционеров, призывающие к порядку граждан, ступивших с тротуара на мостовую, чуть энергичнее машет жезлом краснокожий старшина, прогоняя машину к Смоленской и Арбатской площади — и только. Чепуха!

Вся арбатская толпа, весь арбатский транспорт, вся жизнь Арбата подчинены незримой дирижерской палочке. Эта палочка не позволяет людям задерживаться на углах, праздно глазеть по сторонам, слоняться без толку от витрины к витрине. Тихое: «Проходите, гражданин!» — неумолчно шелестит над Арбатом. А порой обходится без слов: кого-то подтолкнули, неприметно, но цепко взяла за рукав, где-то там нажали плечом — и рассосалась пробка, разбилось кучное шествие. Иной машине вдруг велют свернуть в переулок или прижаться к тротуару, а иную прогонят на красный свет. Для того чтобы ничего не случилось в те ответственные минуты, когда бронированная машина мчится к Матвеевскому или из Матвеевского назад в Кремль, должно ничего не случиться во все последующие минуты, часы, дни, недели, месяцы. Арбат должен быть улицей без происшествий, только тогда есть гарантия полной безопасности, ведь никто не знает, к чему может привести самая маленькая малость...

А для этого Арбат надо знать. Люди, живущие на участке отца малыша, даже представить себе не могут, как много он о них знает. Когда долго приглядываешься к чему-то, обнаруживаешь удивительные подробности, да и вообще начинаешь видеть все по-

иному, будто сквозь мощные увеличительные стекла, способные пронизывать шторы, занавески, даже стены.

На втором этаже бывшего доходного дома, что на углу Кривоарбатского, живет заслуженная артистка: худая, смуглая, подтянутая, кажущаяся на улице много моложе своих лет. Но поглядите на нее утром, когда она делает гимнастику, полчаса каждый день, и, между прочим, в чем мать родила. Отец малыша долгое время не мог понять, чего она там вытворяется в темной глубине комнаты, у слабо мерцающего зеркала. А потом пришло к нему какое-то новое, сквозное зрение, и он стал отчетливо видеть каждый наклон ее худого темного тела с выпирающими ключицами, каждый взмах тощих рук, каждое движение длинных ног. Он будто в полевой бинокль ее разглядывал, так осязаемо-близко видел досадливо злое выражение, появляющееся на ее лице по окончании гимнастики. Видать, она сильно уставала и злилась на свою усталость. И еще он видел, как она приподымала поочередно свои острые, словно у козы, груди и роняла их и рот ее морщился.

К секретарше райисполкома каждую пятницу приходил ее начальник. Он оставлял машину в Большом Афанасьевском, быстрым шагом добирался до подъезда своей возлюбленной, воровато озирался — он

смертельно боялся жены, работавшей в Моссовете. — и, убедившись, что за ним не следят, — вот дуренюто! — вихрем взлетал на четвертый этаж. Когда он появлялся, секретарша, полная, грубо черноволосая, подходила к окну и задергивала шторы. Как будто это могло помешать человеку, медленно прохаживающемуся по другой стороне улицы, видеть все однообразие их нудного свидания: от неизменной бутылочки «Агстафы», изымаемой из большого кожаного портфеля, до вялого движения, каким женщина тянулась к выключателю.

В том же доме, в надстройке над самой крышей, в большой коммунальной квартире снимали комнатку два друга, студенты Литвуза, очкастые, нечесанные. К ним по вечерам приходили приятели пить жидкий чай, иногда разбавленный спирт, курить махорочные папиросы и читать стихи, которые нигде не печатались. Студенты, наверное, казались себе очень умными, им в голову не приходило, что каждое их движение, каждое слово известно, где следует. Из двух примыкающих к их жилью комнат были просверлены в стенах дырки чуть не до самых обоев. И бывшая учительница музыки, сдававшая им комнату, и веселая Лида, дамская парикмахерша, регулярно оповещали органы безопасности о каждом их шаге. Участь студентов была решена, нельзя безнаказанно читать

ненапечатанные стихи, да еще на Арбате, и в канун ближайшего праздника за ними придут.

Нет, все-таки мы сила! — горделиво думает отец малыша, лоя свое отражение в большой витрине комиссионного магазина: скромный, неприметный человек в прорезиненном плаще и черной кепке плывет среди ковровых рулонов, старинных подсвечников, китайских ваз, парчовых халатов, загромождающих витрину. Отец малыша любил свою работу, которой отдавал всю жизнь. Действительную он проходил в частях охраны Кремля и уже тогда обратил на себя внимание начальника дисциплинированностью и выдержкой. Его взяли в органы и сразу определили на ту работу, которой он занимался сейчас, ну, конечно, поначалу он обслуживал не Арбат, а рядовые улицы. Работа эта требует огромного внимания, наблюдательности, памяти, внутренней собранности, терпения и, естественно, сильных, здоровых ног. Если ты страдаешь мозолями, плоскостопием, косолапостью, радикулитом, то нечего и мечтать об этой работе. В народе болтают: топчутьны!.. Будто каждый агент заслуживает

этого слова. Обычный наблюдатель топчется только в мороз, когда ноги стынут, а все другое время может стоять столбом. Постоянно топчутьны только на Арбате, ибо здесь и минутная неподвижность возбраняется. Если ты перестал двигаться, то сразу выпадаешь из ритма улицы, где не положено останавливаться, к тому же усиленная разминка держит тебя в готовности к внезапному броску. Без крепких, выносливых ног нечего и мечтать о посту на Арбате...

Отец малыша с новой радостью ощутил, какая под ним справная, добрая нога, и даже притопнул от удовольствия, будто собирался пуститься в пляс. Правда, он тут же подобрался, лихо козырнул и плутовски подмигнул старшему дворнику с вахтанговского двора, вышедшему из ворот в белом чистом фартуке, с горячей, как орден, бляхой на груди. Подмигнул отец малыша для маскировки, а козырнул всерьез — старший дворник был как-никак майором. Впрочем, все дворники на Арбате были в чинах. Да что говорить о дворниках, если румяная продавщица газированной воды на углу Серебряного переулка носит под халатом лейтенантские погоны. А вот регулировщики уличного движения за своими сержантскими и старшинскими погонами скрывают высокие звания: рослый, краснолицый старшина, широко шагающий по осевой Арбата, — полковник. Даже щекастый бутуз, каждый день приходящий в зоомагазин за фунтиком сухого рыбьего корма, — крупный оперативник из лилипутов.

Велика наша тайная армия! — гордо и радостно думает отец малыша. Управдомы, дворники, нищие, глухонемые, достающие слова будто из своих животиков, продавщицы ларьков, магазинов, мороженщицы, скромные постовые и регулировщики в стеклянных стаканах, неприметные, на одно лицо люди в новых калошах, добродушные моряки в отпуске, заходящие в кафе выпить рюмочку коньяку, растерянные провинциалы, наивно встраивающие в чужой разговор, девицы, поражающие своей очевидной доступностью сердце доверчивого иностранца, мнимые и настоящие спекулянты возле комиссионных магазинов, подслеповатая бабушка, просящая перевести на другую сторону улицы, подавляющее большинство обитателей квартир, выходящих окнами на Арбат, — все это штатные и нештатные служители великого дела безопасности. Связанные крепчайшими незримыми нитями, они окутывают Арбат и прилегающие переулки стальной паутиной.

Словно в подтверждение этих мыслей резко прозвучал свисток милиционера, с визгом притормозила машина, отпеснив назад к тротуару подвыпившего детину, пытающегося перейти улицу в неполюбованном месте. Какой-то прохожий будто ненароком толкнул детину в грудь, заставив его отшатнуться к водосточной трубе, а тут уже наготове стояли дворник и человек в калошах. Детина и оглянуться не успел, как, зажатый в железные тиски между дворником и калошным человеком, очутился в переулке. Здесь на него сразу наехала тележка с газированной водой и задвинула в подворотню. Очнется детина лишь на другой день, с ломотой во всем теле, с горящими ушами и безотчетной, но неистребимой памятью о том, что Арбат надо переходить только на перекрестках, а в нетрезвом виде лучше обходить стороной.

Быстро, четко, красиво сработано! А все же это маленькое ЧП. Сейчас-то прошло незамеченным, а что, если б в эту минуту здесь проезжал товарищ Сталин?.. Он ведь появляется в разное время и всегда неожиданно. Правда, это больше считается так — неожиданно. На самом деле они узнают о его приезде за час и ставят дело «На товсь!» — по морской терминологии. Но разве предусмотритель такого пьяного детину? С колхоза небось, коренной москвич сроду не сунется!.. Страшное дело!.. А почему бы не сделать Арбат закрытой зоной? Запретить сюда доступ, как в Кремль? А чтобы товарищу Сталину нескучно было

В НАСТОЯЩЕМ, ПРОШЕДШЕМ, ГРЯДУЩЕМ

ездить, работники госбезопасности, нарядно и чисто одетые, будут изображать уличную толпу, прохаживаться по тротуару, пить газированную воду, заглядывать в витрины, покупать цветы. И вообще к чему столько лишнего, неорганизованного, недисциплинированного народа? Чтобы страна жила, работала, доставляла товарища Сталина, заключенных и охраняла. Остальные — балласт, помеха, источник вечного беспокорства. Взять хотя бы вчерашнюю старуху.

Она вынырнула невесту откуда в драном мужском пальто, в сером платке, почти закрывавшем усохшее, в жесткой черном волосе лицо. Старуха тащила авоську с селедками, завернутыми в газету. А в газете на полстраницы был напечатан портрет товарища Сталина в форме генералиссимуса; ржавые селедочные пятна растеклись по лицу и кителю, казалось, товарищ Сталин гниет заживо.

Отец малыша схватил старуху за локоть, за ту противно тонкую, как у курицы, косточку, что оказалась под рукавом пальто, запихнул в подвезд. «Ты что, сказилась, бабка?» — шепнул он в большое голое ухо. «А чего?» — ошалело выпучилась на него старуха. «Не видишь, во что селедку завернула?» Старуха глянула на свою авоську. «Батюшки, сослепу я!» Тогда он сам, чтобы избежать лишней канители, освободил противно воняющий газетный лист от селедок и, скомкав, спрятал в карман. Ячеи в старухиной авоське были мелкие, селедки не могли вывалиться. И все же он подметил на старом, бессмысленном в мужском волосе лице страшное своей мгновенной сознательностью выражение ненависти. Чертова перечница, от самой землей несет, а тоже чувства имеет!.. И сколько таких старух и не старух шляется по Арбату, тая за понуростью, неманчивой кротостью душную сволочную ненависть. И когда думаешь обо всех тайно ненавидящих и здесь на Арбате, и по всей Москве, по всей стране, то лопатками чувствуешь, как мала кучка людей, стоящих на посту, как тонка защитная оболочка вокруг товарища Сталина. Ведь одна такая паршивая старуха способна все погубить. Сегодня она заворачивает в портрет товарища Сталина тухлую чехонь, а завтра сунется под машину вождя, «сослепу»... И, конечно, она сделает это на его участке. И тогда прахом пошли годы беспорочной службы: вышвырнут вон, как шелудивого кота, хорошо если не посадят. И что тогда будет с ним, не имеющим профессии, не знающим никакого ремесла, что будет с малышом, со всей семьей?

Отцом малыша овладевает бешеный гнев на старуху с селедками, на всех, кто плетется по Арбату. Какого дьявола их сюда тянет, неужто нельзя пройти по Сивцеву-Вражку, Кривоарбатскому, Большой Молчановке, Борисоглебскому и всем другим переулкам, окружающим Арбат? От гнева он убыстряет шаг, он почти бежит. Спокойно, спокойно, уговаривает он себя, нельзя злиться, ты теряешь внимание, не ровен час чего недоглядишь, спокойно, спокойно!.. Он сдерживает себя, словно норовистого коня, заставляет перейти на обычный, фланирующий шаг. Волевым усилием он поворачивает свои мысли на хорошее. Он, конечно, был не прав, когда считал, что надо уничтожить всех лишних людей. Жизнь приведет к другому. С каждым годом число служащих в органах все увеличивается, а число не служащих сокращается, и не за горами день — молодое поколение узреет его, — когда все без исключения будут служить в органах, и тогда некого станет опасаться, не за кем следить...

Давно ушел в небытие тот, кто был источником мук и радости моего героя; уход его был отмечен той же исключительностью, что и вся жизнь. Сперва полумертвый, потом мертвый, он долго валялся в спальне на своей даче в Матвеевском, и даже охранники не решались переступить порог, ибо не слышали положенного сигнала. Унеся на тот свет сотни, если не тысячи задохшихся в похоронной давке людей, он лег роскошно омундиренным чучелом возле того, чьим полным отрицанием был; затем перенес глухой обряд вторичных похорон и был зарыт у подножия Кремлевской стены. Надолго ли, кто знает?.. Таинственная дача рассекречена, Арбат превратился в обыкновенную улицу. Нет, тут я не прав. Он стал особой, единственной улицей — только для пешеходов. И украсился игривыми фонариками. Почти уничтожив историческую память столицы, добрые наши власти подарили этот тихий, дурного вкуса рай москвичам, не знающим, что делать с щедрым подарком.

А папа? Недавно я встретил его на Новом Арбате. В синей болонье и жесткой фетровой шляпе, он брал высокий старт в направлении Садовой. Он почти не изменился: постоянное пребывание на воздухе сохраняет свежесть и здоровье. Все так же несет он свою вахту, только охраняет не культовый покой, а пустующую пока стройплощадку грядущих великих перемен. Папа тоже перестроился: на нем нет черных блестящих калош, он крепко вбивает в асфальт микропористую обувь ботинок фабрики «Скорород». И в ускорение он включен: никогда еще шаг его не был столь быстр и летуч. Наконец-то я понял, какая у него спортивная специализация. Папа не спринтер и не стайер, он марафонец. Его так давно начавшийся путь уходит в туманно сияющие дали...

Татьяна МАЦУК

■
Выцветают закаты,
бледнеют с годами рассветы.
Дни короче становятся,
ночи упорно растут.
Лишь вчера заметали следы
уходящего лета,
а сегодня зима
не жалеет бесценных минут.
Я тебя буду ждать
в настоящем, прошедшем,
грядущем.
Пусть две тысячи верст
превратятся в две тысячи дней.
Чем за счастье платить
вот таким, как и я, неимущим?
Только днями, часами,
минутами жизни своей.
Мы любви не просили,
не клячили с миру по нитке.
Свое сердце зажав
так, что трудно порою дышать,
не совали в придачу к машине
и кафельной плитке,
научившись от боли не плакать,
а только молчать.
Но теперь я боюсь
в сумасшедшей неистовой скачке,
в этой гонке амбиций,
претензий, заезженных слов
потерять свое право
плевать на чужие подачки
и ответить торговцу:
любовь отдаю за любовь.
Что же делать,
когда выцветают с годами закаты,
и бледнеют рассветы,
и реки повернуты вспять?
Я тебя буду ждать.
Ты приходишь. Как когда-то солдаты
приходили с войны,
чтобы новую жизнь начинать.

ФУЭТЕ

Как больно! Бессилье сдавило
усталое сердце.
Кругом пустота. Чай-то крик
надоедливо бьется
в закрытые окна. Уехать! Бежать!
Запереться!
Чтоб только не броситься снова
в бездонье колодца.
Чтоб только не видеть, не слышать,
не знать, не бороться.
Излиться в слезах, перелиться
в другого навеки.
Пусть крест свой несут и сгорают
под музыку Баха
другие. Свои у них будут преграды
и вежи,
и все впереди: поклоненье, Голгофа
и плаха.
Не ведает юность бессилья
и липкого страха.
Постой! Оглянись. Нет, ничто для
тебя не забыто.
Ты помнишь, как в детстве
все было прозрачно и бело?
Опять этот взгляд —
зачарованно-робкий и смелый.
В пустыне летит против ветра
твоя Маргарита...

■
Я ненавижу всякое насилие.
Но худший тип —
насилие добра:
под каблуклом хрустят
чужие крылья,
зато идет по правилам игра.
Я не играю в жизнь! —
Мои ошибки
зачтутся мне —
не вам о них жалеть.
Вы говорите, нынче в моде скрипки?
Но с детства я предпочитаю медь!
Любить?! — Люблю.
Надеяться?! — Надеюсь.

Пускай легко обидеть и сломать,
но никогда не выбить эту ересь
из тех, кто не боится умирать.
Я не боюсь.
Я верю в воскрешенье.
Не там, а здесь.
Бездонные миры —
соединятся люди
во спасенье.
И к черту ваши правила игры.

Татьяна ЗЫКОВА

■
Холодно душе —
будто в проруби.
Словно я живу
не свое...
Подняла лицо —
кружат голуби,
Оказалось все —
воронье.

ЭКСПРОМТ

Если грущу, тоскую,
Страстно любви желаю,
Если стремлюсь, рискую,
Значит — еще живая.
Если во мне защежит
Рана как ножевая,
Это душа болит,
Значит — еще живая.

Владимир ГРАЧЕВ

■
На земле живу — скучаю по земле:
По цветам, росе и птицам на заре,
По тропинке, что струится через лес,
По кукушке — есть особый интерес
У меня к ее загадочным ку-ку...
Я себя простым гаданьем увлеку,
Буду слушать, притаившись,

и считать,
Сколько мне еще осталось куковать.
Опрокинусь на поляне в сон-траву
И... рванусь через деревья в синеву,
Растопырю неумелые крыла —
Подой мой и надо мною синева...
На земле живу — скучаю по земле:
По букашкам, копошащимся в траве,
По кузнечнику — веселой скрипке дня,
По улитке, не боящейся меня,
Что сидит, как дома, на ладошке:
— Равлик-Павлик, выставь рожки,
Дам тебе четыре кочережки...
По пальцу, вверх,
как по простой травинке,
Ползет букашка —
пятнышки на спинке —
Ее не сдуешь —
уцепилась крепко:
— Божья коровка, улетай на небо,
Там твои детки...

■
Мой гений, ты несчастный человек,
Навек в тебе, как в каменной
темнице,
Томятся обезумевшие птицы,
Слетевшие с ветвей библиотек.

Борис ТЕДЕРС

■
Ее дед не вернулся
в бревенчатый дом,
Дедов путь зачеркнулся
могильным крестом.
В годы царской войны,
в чужедальних краях
Стал маньчжурской землей
его горестный прах.
Арестован за что-то отец...
и погиб.

Объясняют, что — «культ»,
говарят — перегиб...
Где могила и крест,
чтоб поплакать прийти?
И по карте тех мест не сыскать,
не найти.
Муж ее, лишь ударили залпы
войны,
Поцелуем стер слезы
с веснушек жены:
— Не горюй! Жди меня.
Я с победой приду...
Он под Прогою пал
в сорок пятом году.
Годы мира мелькнули без новых
потерь.
Вот она и старуха.
Но снова, теперь
Из афганской земли ждет от внука
вестей.
Широка география
русских костей.

ЧЕЛЯБИНСК 1932 ГОДА

Это я. Бегу за мамой спеша,
Весь заматан платком,
пяти лет от рода.
Мимо нас, лошадиным паром дыша,
Проплывает одна за другой подвода.
Их возницы — огромные мужики.
С головою укутанные в тулупы,
И везут они к берегу стилой реки
Страшный груз — мерзлые трупы.
Мертвецы торчат из рваных дерюг.
На ухабах трясаюсь и грозя
свалиться.

Машут тощими палками ног и рук,
Устремляя в небо белые лица.
Поправляя мороженных тел кули,
Говорит возница нам хрипловато:
— Раскулаченные, куркули...
На дороге их померзло — богато...
Вот теперь их всех свезут до реки.
В штабеля уложат, рядом накроют.
А когда придут потеплей деньки,
Будет можно копать — всех,
как есть, зарюют...

Мне платок шерстяной налез
на глаза,
Ходит дрожь под пальтишком моим
потертым.
На морозном снегу визжат полоза...
«Как, наверно, им холодно —
даже мертвым...»
И когда при мне говорят:
— Кулаки...
Не бандита я вижу
со зверской рожей,
А мерзлый берег Миасс-реки,
Штабель, крытый рваной рогожей.

Елена КИСЕЛЕВА

Звонок. Урок. Учитель у доски
Нам объясняет тайны мирозданья.
Как жаль,
что объяснить забыли в школе —
Что значит жить. Мои учителя!
Мелькают годы, ускоряя бег,
И с каждым шагом чувствую острее
Свою неподготовленность к уроку.
Но вызывают всякий раз меня.

Александр СЕНКЕВИЧ

ОН ГОВОРИТ

Он говорит: «Пойдешь сюда,
и всем надеждам крах!»
Он думает: моя судьба —
птенец в его руках.
Так почему ему дано
над всем повелевать?
Захочет — выпустит в окно,
где тишь и благодать.
Но может быть другой исход,
и среди бела дня
в лебяжий пух, в сухой помет
он превратит меня.

В природе свершилась измена.
Ты видишь — деревья кровавы!
И запах осеннего тлена
таят проредевшие травы.
Виднеется море за чащею
застылое, серого цвета.
Идет от него бередающий
йодистый дух лазарета.
А ты отчего-то не рада
прозрачным, застенчивым звездам
и смотришь с широкой веранды,
как птицы тоскуют по гнездам.
Пойдем со мной — верхом и низом,
доверяясь бездумно тропинке,
по камням сырым и осклизлым,
не камни — а рыбы на рынке.
К белесой полоске прибоя,
зареванной до неприличья.
Под самое небо рябое
уносится облако птичье.
И все тут. И больше ни слова!
А ветер столкнет, как нарочно,
распахнутость света дневного
и акрадчивость сини полночной.

В разгар зимы и вдруг ручьи?
Но на земле три дня
дрожали жаркие лучи,
как ноздри у коня.
И снег темнел, дыша травой,
и ртуть сошла с нуля.
То в первый день, а во второй
оттаяла земля.

Тепло опять вернулось к нам
из глубины снегов,
дразня сплетение корней
и прямизну стволов.
А в третий день еще теплей,
везде растаял снег.
Казалось, из весны апрель
свой совершил набег.
Был восстановлен для людей
порядок бытия.
Но вот пришел четвертый день,
на нет весну сводя.
Ударил он исподтишка,
метелями крича.
И помертвела, как щека,
живая гладь ручья.
И почек клейкие тела
кусками стали льда,
и люди, встав из-за стола,
не раскрывали рта.
Боялись горло застудить,
потом сиди, болей...
Такой мороз, что не открыты
ни окон, ни дверей!
Такой мороз, что воротник
поднимешь, словно щит.
А закричишь — и дерзкий крик,
упав, кровоточит.
Но люди видели в ночи
сквозь круговерть и мрак,
как растворяли снег ручьи
и было все не так.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

ДЕЛО ЧЕСТИ

...Подлеца, подлецу, подлецом,
с подлецами в незыблемой спайке:
все идет к одному — был певцом,
да продался за сладкие сайки.
Превращается в масляный чад
даже воздух, которым ты дышишь.
Если рядом от боли кричат —
все равно ничего не услышишь.
Было время — хотел и умел
эту боль двигать в слово по нервам.
Был — высок, необструган и смел.
Стал — себе монументом фанерным.
И, в медовую смазку влюблен,
ты живешь, управляем как робот,
ибо знаешь — ударят рублем
за любой, даже слабенький ропот.
И, гремя как пустая бадьа,
ты не можешь понять — оттремелось!

Никого не обманет твоя
показная, натужная смелость.
Что ж, зажато впритык со свинцом,
даже золото станет свинцовым.
...Все, что хочешь, дели с подлецом,
кроме хлеба, отчизны и слова.

Кто смеет говорить о смерти,
когда в Республике — весна!
Николай Ушаков

Кончается монархия зимы,
и золотая крохотная зелень,
едва пробив прогретый слой земли,
уже и знать не хочет про метели.
Крутая заваруха и разлом
наметились повсюду и во всем,
и гилью понесло из каждой щели.
Кончается монархия зимы,
болотистое мебельное время.
Уже деревья соком пронзены —
да сердцевин еще не отогрели,
и дума их тревожная томит:
что приключилось? —

отшель стоит?
или — весна приходит
в самом деле?..
Кончается монархия зимы,
распались ледяные монолиты;
и грязь, и мусор — все лежит открыто,
и пар над ними — призраком чумы.
Попробуй, выстой в этой круговерти —
в сияньи солнца
и морозной смерти! —
но лишь на это мы обречены...

Николай ШАМСУТДИНОВ

НА ОБИ

Все мне снится твое молодое,
зеленое платье,
и веселый узор на груди,
и цветы по плечам...
Я зарос бородой,
как завхозы разведочной партии,
Я читал им стихи, приходя из тайги,
То ночам...
Усть-Юган!
Кедрачи.
Запотевшее зеркало паводка,
Ровный речитатив проходящих
составов,

Стихов.
Полуночник — зефир.
Звезды в иллюминаторах плавают.
И на качке возня полусонных
почтовых мешков.
Я ходил на Ямал.
На Балык бы махнуть изыскателем!
Тундра. Серые мхи.
Молодые встают города.
Седоватый бурун, как буран,
убегает от катера,
С запотевших бортов неслышно
стекает вода.

Я — почтарь!
Я везу эти письма и знаю — чужие,
Их писали,
читали в ночной безъязыкой тиши.
Вспомни, как мы с тобой на заимке
пронзительно жили!
О, клянусь, ты ее никогда не забудешь!
Пиши!
Я б ушел от тебя в дебри строчек,
безрифменных, рваных.
Вот молчу и смолчу.
Низко стелется дым над водой.
Только толку с того.
Я не ныл от бессилья,
Но странно —
Вечера, как слезою,
точатся звездой надо мной.
Я пишу о тебе.
Ни эпитета росам и звездам!
Прямо с берега в душу мне сонная
дышит земля.
Я мотаюсь рекой
и оброс, как не снилось завхозам.
На каких пристанях
Невеселая почта моя?

Елена НАУМОВА

Как будем дальше жить, переходя
Из года в год мятежного столетья?
Чтобы смотреть любимым нашим детям
Глаза в глаза, глаза не отводя.
Неужто доставляет наслаждение
В забывчивости память умертвить,
И тут же тайно грызть или рубить
Природою назначенные звенья?
А детям говорить слова, слова...
В которые они не смогут верить.
От нас уже ушли леса и звери,
И под ногами высохла трава...
Так неужели в будущем столетии
От нас уйдут и собственные дети?!

Герман КРУПИН

ОТГОЛОСОК

Я ветку бузины сломил
Под крышей старого сарая,
И с дрожью в сердце вспомнил мир
Когда-то нищенского рая.
Где голенастая ботва,
Вся в фиолетовых соцветьях,
Была, как мы, едва жива
Золой и влагой лихолетья.
Цвел серой кашкой старый двор,
Горчило лебедой у прясел.
И все же, все же, как был добр
Тот страшный мир.
И как прекрасен!

Пахнут прелью леса. Это осень.
Листопад и сиреневый дым
Затумили окраины просек
И верхушки багровых осин.
В темных окнах болот на поляне
Лебедями плывут облака.
Почерневшая ягода вянет.
В паутину укутыв бок.
Это осень. Промокший валежник
Под ногами негромко хрустит.
Спит сентябрь, притихший и нежный,
Спит...

Владимир ФИЛИППОВ

ЗЕМЛЯКИ

«Живу, жи-ву!»
Судьбину не кляня,
Звенит синица, осыпая иней,
И так спокойно смотрит на меня,
Что кажется — сейчас просвищет имя.
Мы — земляки.
И этот оком,
Что выбелен морозами и снегом,—
Ее забот извечное жилье,
Моих печалей пасмурное небо.
Я знаю, как весенний лес поет,
Как празднует свидания и свадьбы...
Ее судьба — не песен забыть.
А мне —
От этой птахи,
Не отстать бы...

Какое нынче небо чистое!
Мороз. Пороша. Тишина.
Но вдруг, звеняще и неистово,
Как будто лопнула струна,
Полился гон,
И песня древняя,
За горы эхо разбросав,
Рассыпав звоны над деревьями,
Помчалась в синие леса.
Возносятся ввысь стволы застывшие
Печаль и удаль,
Свист и гром,
Былое вовсе не забывшие,
В котором — ярость и добро...
А гон то ширится, то глушится,
Шумит, как вешняя вода.
Но замер я.
Спешу — послушаться.
Запомнить песню.
Навсегда.

ГРАБЕЖ

смена '88

Алексей
НИКОЛАЕВ

События разворачивались так, что все предыдущее — тайные, полутайные или совсем открытые аукционы на Западе, разбазаривание через «Антиквариат», царственные дары чиновников высшего ранга, багажные вагоны, уехавшие в Европу, морские транспорты, груженные музейными ценностями и швартовавшиеся в портах другого континента, склады и магазины «сокровищ из России» по обе стороны океана — все это могло показаться теперь интермедиями драмы, которая начиналась за плотно закрытым занавесом.

Слухам отказывались верить; даже ладкие до сенсаций западные газеты подвергали их сомнению. Так случилось, когда проник в печать разговор между известным французским коллекционером и неким лондонским торговцем, который предлагал «доставить любую из эрмитажных кар-

тин». Раскрыв альбом с изображением лучших наших Рафаэлей, Тицианов, Рембрандтов, он хлопнул по нему ладонью: «Выбирайте!»

Но невероятные слухи все более походили на правду. В январе 1931 года «Таймс» напечатала письмо в редакцию профессора истории искусств Лондонского университета Танкреда Борениуса. Эксперт одного из самых крупных антикварно-аукционных домов, Борениус, «счел нужным открыто заявить» о появлении в Европе шести первоклассных картин Эрмитажа. Однако английская газета, известная своей осторожностью в информации, предложила торгпредству в Лондоне опровергнуть свое сообщение. Предложение осталось без ответа.

Вскоре факт появления эрмитажных картин в Европе подтвердила парижская «Гренгуар»; назван был даже посредник — антикварная фирма Кнедлер. «Если наше сообщение

Рафаэль. «Святой Георгий». 1504—1506 гг. (28,5 × 21,5 см). В Эрмитаже с 1771 года — из собрания барона Кроза.

Все репродуцированные картины, приобретенные из Эрмитажа в начале 1930-х годов Эндрю Меллоном, в 1937 году переданы владельцем в вашингтонскую Национальную галерею. В те же годы проданы и увезены в Америку и воспроизводимые здесь предметы декоративно-прикладного искусства; ныне они в коллекции Музея госпожарной службы.

Ван Эйк. «Благовещение». 1425—1430 гг. (93 × 36,5 см). Приобретена для Эрмитажа в числе коллекции Барбариго в 1850 г.

Кубки русской работы XVII, XVIII и XIX вв.

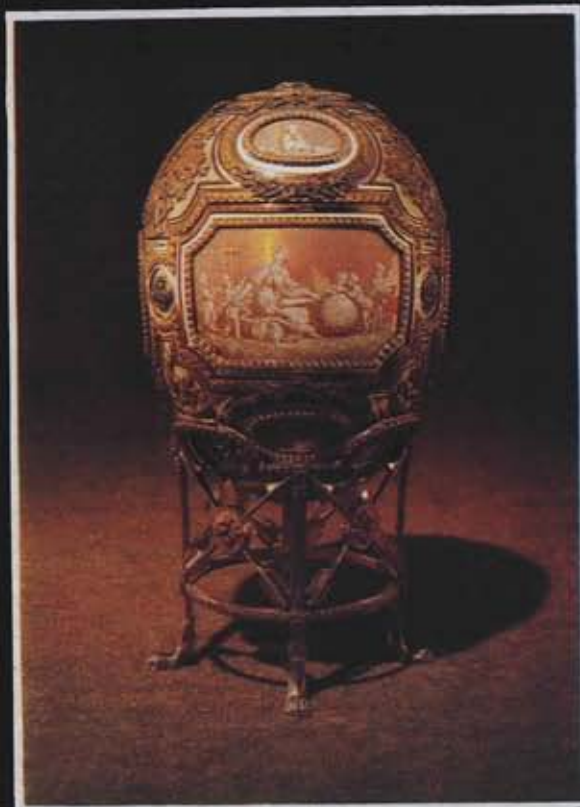
Ф. Халс. «Портрет молодого человека». 1645 г. (68 × 56 см). Находилась в Эрмитаже с 1770-х годов.

Ковш работы русского мастера. Начало XX века.

Рафаэль. «Мадонна Альба». 1510 г. Попала в Эрмитаж в 1836 году с коллекцией барона Кузвельта.

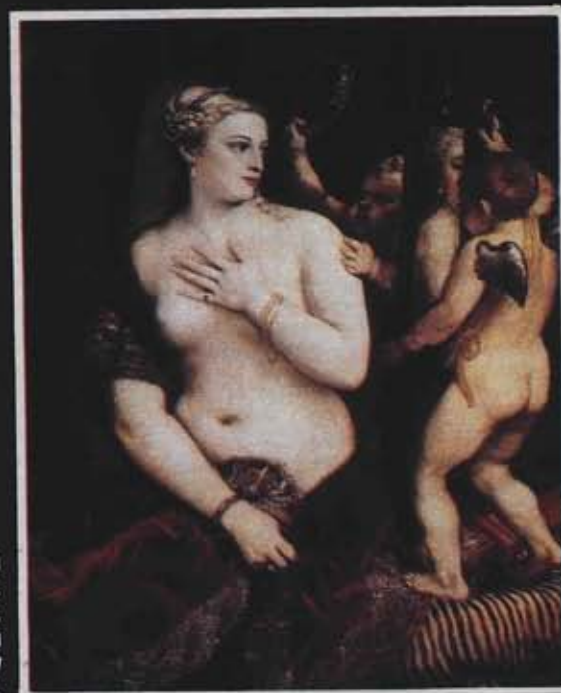
Пасхальное яйцо. К. Фаберже.

Ф. Халс. «Портрет веселого офицера». 1640 г. (86 × 69 см). Куплена для Эрмитажа в 1770-х годах.

Свадебная корона русских цариц. 1840 г.

Тициан. «Венера с зеркалом». 1555 г. (124,5 × 105,5 см). В экспозицию Эрмитажа приобретена в 1850 году с собранием Барбариго.

не верно, — писала газета, — мы будем рады возможности его исправить». Опровержения не последовало и на этот раз.

Слухи приобретали уже ту устойчивость, когда люди известного склада не упускают шанса «войти в дело». Параллельно с европейскими, только с еще большей мобильностью, разворачивались события за океаном. Синдикат американских антикваров дал своему представителю в Москве телеграмму, в которой прямо говорилось о реальной заинтересованности в приобретении лучших картин Эрмитажа и содержалось предложение начать действовать.

Представителя синдиката не нужно было учить дипломатическим тонкостям. «Время — деньги», — решил он и в тот же день с телеграммой в руках явился в кабинет директора «Антиквариата».

— Что! — воскликнул тот. — Продавать сокровища Эрмитажа?! Какая дикая мысль!!

Но оказалось, поверенный синдиката был готов к такому обороту дела. Во всяком случае, он не поспешил откланяться, и, поскольку после гневно-удивленного восклицания ему указали не на дверь, а на кресло, воспользовавшись последним, выдержал паузу.

Она была продолжительной. Директор «Антиквариата» быстро ходил по кабинету, по-видимому, стараясь унять охватившее его негодование. Наконец он остановился и сказал неожиданно спокойным голосом: — Если вашим друзьям в Америке угодно будет сделать предложение, то мы, конечно, передадим его соответствующим инстанциям. Решать будут там.

Телеграмма, содержащая суть разговора в «Антиквариате», была отправлена в Америку немедленно. Ответ не заставил себя ждать: синдикат тотчас телеграфировал список сорока шедевров Эрмитажа, которые намерен приобрести. Среди названных — Леонардо да Винчи, Рафаэль, Ван Эйк, Рубенс... Короче: за все сорок картин синдикат предлагает пять миллионов долларов.

Сумма несколько озадачивала. Как вспоминал потом представитель синдиката, он подумал тогда, что с таким же успехом можно было предложить десять долларов за Рембрандта. Однако не нашел достаточных причин, чтобы не довести текст телеграммы до сведения одного из заместителей наркома. Эффект был примерно тот же:

— Да они что, считают нас за детей?! Разве мы не знаем, почему продаются такие картины в Париже, Лондоне, Нью-Йорке?! Если они серьезно заинтересованы, то пусть и делают серьезные предложения!

Трудно сказать, по какому случаю на столе хозяина этого кабинета оказался вдруг каталог Эрмитажа, но, открыв его на странице с воспроизведением «Мадонны Бенуа» Леонардо да Винчи, он стукнул по нему кулаком:

— Да одна эта картина стоит пять миллионов золотых рублей!

Поверенный синдиката быстро смекнул: это 2,6 миллиона долларов. Пока же оставалось тратить доллары на еще одну телеграмму в Америку. Ответ был более чем четким: «Конкретно предлагаем за Леонардо да Винчи 2 000 000 долларов».

Поскольку запрошенная цена на этот раз не очень превышала предложенную, можно было постучаться в кабинет повыше.

Нижеследующий, как, впрочем, и предыдущий, разговор воспроизводим по воспоминаниям его участника, который, опять-таки с телеграммой в руках, явился к Микояну.

— Намерения у нас серьезные, — сказал нарком, но, улыбнувшись, добавил: — Конечно, в один прекрасный день революция произойдет и у вас, и тогда мы заберем картину

назад. Так что, по существу, мы вам ее передаем лишь во временное пользование.

Была ли это шутка, сказать сейчас не решимся. Что же касается цены, Микоян, конечно, не шутил — он был тверд: пять миллионов золотых рублей, и ни копейки меньше.

Коса нашла на камень — ответ на очередную телеграмму последствий уже не имел: к двум миллионам долларов синдикат не соглашался прибавить ни цента.

Трудно сказать, чем бы кончился торг за Леонардо, если бы в это самое время не приоткрылась завеса над тайной, до сих пор тщательно охраняемой. Выяснилось, что некое частное лицо уже покупает картины Эрмитажа!.. Лицо, правда, оказалось не совсем частным, и хотя покупало оно картины в личную собственность, но являлось не кем иным, как министром финансов Соединенных Штатов Эндрю Меллоном.

Обнаружив это и несмотря на внушительный статус, синдикат дал задний ход. И вот почему.

Министр финансов Меллон, пересидевший на этом посту трех президентов, фигура особенная. Получив в наследство несколько миллионов долларов, он превратил их в одно из крупнейших состояний Америки — третье по счету. Как никто другой из миллиардеров, Меллон обладал качествами, которых соперники боялись не без оснований. Так, начав борьбу с Пенсильванским Стандартом-Ойл, он буквально переломил хребет этому любимому детичу Рокфеллера. Сухой, подтянутый, сдержанный и крайне скупой на интервью, миллиардер был известен, быть может, единственным проникшим в печать афоризмом: «Чтобы утвердить за собой победу, нет необходимости быть грубым с людьми». Возможно, небыл бы интересной чертой к портрету добавит и факт, прямо связанный с нашей темой.

В 1931 году Меллон прибыл в Европу с целью, широко афишируемой прессой, — «убедить Англию принять участие в бойкоте СССР». Другая, сохраняемая в глубочайшей тайне, как выяснилось позже, заключалась в том, что из Европы было удобнее вести переговоры о личных интересах со страной, к бойкоту которой он призывал.

В то самое время, когда Меллон «уламывал» Англию бойкотировать СССР, личный его секретарь отправился в Ленинград с миссией несколько иного рода. По залам Эрмитажа, закрытым на этот час для публики, секретаря Меллона сопровождала группа «искусствоведов» из Внешторга. Впрочем, вот как он сам об этом вспоминает: «Меня провели по всему Эрмитажу и заявили: «Мы продаем все — любое в любом музее. Выбирайте, что вам интереснее». «Понятно, я выбрал для Меллона, что считал лучшим».

Собеседник, передавший этот разговор, спросил:

— Как не стыдно такому лицу, как Меллон, приобретать русские сокровища, продаваемые из-под полы и втайне от народа?

— Что же тут стыдного? Если бы не купил мой патрон, купили бы все равно другие.

Отдадим должное откровенности, как, впрочем, и изысканному вкусу секретаря, — он действительно выбрал лучшее!

К горькому рубежу подошла наша хроника. Приходится называть, хотя и далеко не полный список того, что ушло из Эрмитажа, — только в одну коллекцию Меллона. Ушло навсегда: «Благоговение» Яна Ван Эйка (инв. № 443) — единственная картина великого мастера, бывшая в нашей стране;

из четырех Рафаэлей — два лучших: «Мадонна Альба» и «Святой Георгий» (№№ 38, 39);

«Поклонение волхвов» Боттичелли

(№ 3) — один из самых изумительных колористических шедевров великого мастера;

триптих Перуджино с «Распятием» в средней части (№ 1666) — лучшая станковая картина итальянского живописца;

«Венера с зеркалом» Тициана (№ 99), — считавшаяся наиболее драгоценным перлом Эрмитажа;

эскиз Веласкеса к «Портрету папы Иннокентия X» (№ 418), тот самый, о котором говорят, что, увидев свое изображение, папа воскликнул: «Это слишком правдиво!»

два из четырех, несомненно, лучших творений Халса — «Портрет сына художника» и «Портрет веселого офицера» (№№ 770, 773);

загадочная «Девушка с метлой» и знаменитый портрет, так называемый «Ян Собесский» (№№ 826, 811) Рембрандта;

«Елена Фоурмен» Рубенса (№ 576) — изумительнейший по психологической глубине и колориту портрет второй жены художника;

«Лорд Филипп Уортон» (№ 616) Ван Дейка — лучший из лучших портретов фламандского мастера...

Список этот — тот мартиролог! — пополнявший коллекцию американского миллиардера, далекого, увы, от завершения. Когда-нибудь полный список этих жертв времени воспроизведут специалисты, а пока об этой трагедии русской культуры в нашей печати не сказано ни единым словом.

Отметим и другое. Если большинство буржуазных правительств смотрело на эти события сквозь пальцы и предпочитало молчание, то голос общественного мнения звучал громко и определенно. Сообщения о распродажах Эрмитажа печатались изо дня в день на первых полосах, причем комментарии были более чем конкретны. Одна из парижских газет, в частности, писала: «Мы вправе удивляться тому, что богатейший министр правительства, охотно дающего другим уроки добродетели и даже не признающего СССР, позволяет себе для обогащения своих коллекций купить сокровища, отнятые у народа».

Но закончим с Меллоном. В мае 1933 года департамент полиции США назначил расследование финансовой деятельности министра. Обнаружилось, что он скрывал от фиска действительные размеры своих доходов и не уплатил налога в размере многих миллионов долларов. Но, зная законы страны, по которым филантропия освобождает от наказания, Меллон нашел способ выйти из положения: он пожертвовал Национальной галерее в Вашингтоне свою 50-миллионную коллекцию картин. Согласно закону, это собрание, оставаясь в частном владении, было бы обложено налогом в 32 362 000 долларов, причем их следовало уплатить наличными. Так что переданная в Национальную галерею коллекция оставила кругленькую эту сумму в кармане миллиардера.

Судить, однако, чужих миллиардеров не входит в задачу этой хроники — наша трагедия разыгрывалась не за океаном и оказывала себя уже не интермедиями, а целыми актами.

Грозной комиссии «Антиквариата», еще недавно «спускавшей» в Эрмитаж предписания такого рода: «Выделить картин на три миллиона золотых рублей», теперь уже не было надобности себя утруждать. Машина была запущена на полный ход. Собирались с миллионами, антиквары-перекупщики, пользуясь каталогом галереи и заранее сговариваясь о цене с «соответствующими инстанциями», начали просто выписывать шедевры Эрмитажа, как выписывают нынче барахло по каталогам универсальных магазинов: «пришлите «Диану Гудона», «Вышлите «Пир Клеопатры» Тьеполо»...

Простейшим этим операциям пред-

шествовала, правда, небольшая формальность: директора Эрмитажа вызывали к начальству, где и отдавали устный приказ выдать такую-то картину. Как рассказывал автору хорошо запомнивший страшное это время академик Б. Б. Пиотровский, картины исчезали ночью — как люди. По ночам к подъезду Эрмитажа подкатывали машины, похожие на те, в которых увозили тогда людей. На другой день на месте, где красовалась известная всему миру картина Рембрандта «Жена Пентефрия обвиняет Иосифа» (№ 794), появлялась табличка: «Картина взята на реставрацию»; на месте, где вчера еще светился, играл перламутром красок шедевр Ватто «Влюбленный меццетен» (№ 1503), — другая: «Картина снята для фотографирования». А в скором времени в Чикаго открывается выставка «Век прогресса», экспозицию которой украшают обе эти картины — только одна принадлежит фирме Кнедлер, вторая — музею «Метрополитен»...

Рецензируя «незабываемую» эту выставку, один французский критик, между прочим, писал: «Да будет позволено выразить сожаление, что при распродаже Эрмитажа Франция не фигурировала среди покупателей. Ни Луврский музей, ни министры, ни управляющие ведомством изящных искусств об этом не подумали... В России есть еще картины Ватто, да будет это известно. Я уверен, что, если правительство испросит у палаты кредит в 10 миллионов франков, дабы мы могли войти в их владение, это предложение будет встречено с одобрением». И вряд ли придумается в этом сомневаться — почва была подготовлена.

Эрмитаж жил «новой» жизнью периода «реконструкции». На заседаниях музейного комитета, которые вел теперь представитель нового руководства, всерьез обсуждался вопрос: считать ли Ватто «аристократическим» или только «буржуазным» художником. Сейчас, конечно, трудно представить себе, что проект выставки XVII века был провален только потому, что представитель «сверху» заявил:

— Помилуйте, у вас там Людовик XIV! Уберите Людовика, и мы разрешим выставку!..

(Прерывая хронику, автор берет себе место в скобках, чтобы вспомнить не такое давнее, а из собственного опыта тепленькое еще времячко, когда нашему брату журналисту твердили: «Давайте, побольше давайте об охране памятников! Только никаких куполов, никаких церквей!»... Стыдно, а выкручивались.)

Но продолжим о давнем.

В 1932 году помощник хранителя Лувра побывал в наших музеях. Вот что он писал по возвращении в Париж: «Сезанн великолепно представлен; над его картинами, однако, красуется такое объявление: «Дебюты французского империализма». В двух музеях я видел по зале Пикассо. В каждом из них было написано: «Зала буржуазной гнили».

Привою невероятные эти свидетельства как доказательство полного пренебрежения к культуре того, кто ею управлял, готова почва преступлению, не замедлившему сказаться. Самое время ответить на вопрос: кем именно она готовилась?

В начале нашей хроники впервые опубликован ответ Сталина на письмо И. А. Орбели. История его многое объясняет.

Новый директор Эрмитажа Б. В. Легран, человек, разжалованный в руководители крупнейшего музея мира, но по роду прежних своих занятий все-таки близкий к «верхам», знавший «ходы», посветовал тогдашнему хранителю отдела Востока Орбели написать Сталину. Мотивировал он это тем, что «вождь перестал доверять партиям», а письмо беспартийного Орбели, которое он, Легран, вручит своему дру-

Кавалергарды в городе!..

К истории — с любовью.

...Отец солдатам.

Гвардия — вперед!

Скажи-ка, дядя...

Щи да каша — пища наша.

Свидание перед «боем».

с Наполеоном. Но как провести и кому принять в нем участие? Сделать его стандартно-будничным, с рюкзаками, палатками и митингами у исторических памятников? Такой поход годился только для «галочки», и тогда прозвучала команда:

— Униформироваться!

Кажется, не было города, населенного пункта, через который проходил наш сводный полк, где бы не спросили: форму на «Мосфильме» взяли? Да нет же, все — с пуговицы до кивера — сделали своими руками. И тогда следовал новый вопрос: зачем? Зачем... А скажите, много ли мы знаем об истории Отечества, ведь даже такой простой вопрос: «Когда Россия закончила войну с Наполеоном?» — для большинства становится невероятным ребусом.

В 30-е годы в Малоярославце, Красном, Полоцке, через которые пролегла дорога войны 1812 года, были снесены памятники защитникам Отечества. Старожилы рассказывали: когда взрывали в Полоцке памятник, стилизованный под церковь, он, словно человек-исполин, поднялся над землей...

На месте памятника мы установили сохранившийся в краеведческом музее его макет, рядом поставили

СЫЩЕН

Александр ЖУРОВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Водители на трассе недоуменно разглядывали странную колонну, движущуюся по обочине, притормаживали и вылезали из кабин.

«Вроде на КамАЗе еду, а не на машине времени, — удивлялся один, — а тут прямиком в прошлый век угоняет!».

«Кино снимают», — понимающе кивал другой.

Зрелище действительно больше походило на натурные съемки, однако ни софитов, ни камер, ни каких-либо других киношных причудливых не было. По шоссе двигалась не массовка исторического фильма, а сводный полк военно-исторического клуба «Слава Отечества».

Стоял жаркий московский июль, а мы облачились в мундиры 1812 года, перекинули через плечо панталеры, поправили на голове кивера, взяли кремневые ружья на «караул» и по команде «кругом» совершили поворот на 180 градусов — шагнули из века нынешнего в век девятнадцатый.

А началось все два года назад, когда капитан Советской Армии Анатолий Новиков создал в воинской части, где служил, клуб «Слава Отечества». Идею поддержали в ЦК ВЛКСМ, и решено было провести поход по местам боев русской армии

копилку. В почетном карауле застыли два лейб-гренадера. Стояла тишина, казалось, что даже автомобили, проезжая мимо, замедляют ход. Полчано долгие минуты выставляли у почетного караула, некоторые смахивали слезы, доставали деньги и, преклонив колено, опускали гривенники, рубли, червонцы... Именно так в прошлом столетии благодарная Россия собирала средства на строительство памятников своим героям. Этот, снесенный с лица земли, был установлен в 1850 году на народные деньги.

И был дым сражений, грохот орудий, барабанный бой, поднимающий в атаку полки. И знамена русской армии развевались так же, как и 176 лет назад, будто и не прятали их все это время в запасниках музеев. И «Кутузов» был как две капли воды похож на славного фельдмаршала, так что хотелось, набрав в грудь воздуха, молодежато гаркнуть: «Позвольте, ваше сиятельство...» — и пойти, и совершить подвиг за Россию. Даже «Наполеона» чуть-чуть в плен не взяли, но он опять, как и тогда, в 1812-м, ускользнул. Что ж, историческая правда прежде всего. Но так хотелось его все же пленить, так уж казачки гнались за ним!..

САБЕЛЬ ЗВОН...

А вечерами, когда дым сражений уносился ветром, разбивали бивуак и начинали сражения другого рода — словесные. Уже не исторические казусы занимали умы молодых ребят, а реальности сегодняшние. Соприкоснувшись с веком минувшим, мы особенно остро чувствовали свою причастность к времени нынешнему. На долю нашего поколения выпала нелегкая миссия — правдиво воспроизвести историю Отечества. Это невозможно сделать, если не проникнуться духом минувших времен, не связать день сегодняшний с днем вчерашним. Военно-исторический поход — детище наших перемен, подобного движения в истории страны еще не было. Но он не закончился с возвращением в Москву — осенью штаб планирует провести учредительный съезд, где будут разработаны устав, положение, будет решаться вопрос о создании фонда. Предполагается поездка в Лейпциг на празднование 175-летия «Битвы народов». А летом — в поход на Полтавское поле!

Юрий ФЕОФАНОВ

СОВЕСТИ на продажу

Взятка... Берут ли ее на базаре, в пивном ларьке или коммунальной конторе — она одинаково отвратительна. Но, согласитесь, в институте, например, она выглядит вдесятеро гнуснее, ибо при этом развращаются в начале жизненного пути юные души. Привелось мне беседовать с бывшей преподавательницей вуза после ее осуждения на солидный срок. На судебном следствии ее оправдания выглядели не очень убедительно: дескать, родители абитуриентов чуть ли не насильно всучивали ей деньги. Никто, конечно, этих аргументов не принял во внимание. Взятчицу осудили, и поделом. Но если мы хотим исследовать процесс образования взятки, не стоит сбрасывать со счетов и ее оправданий.

Протащить в вуз свое чадро любой ценой — для иных родителей это цель жизни. Высокие принципы, думы о судьбе юной души, о нравственной порче — все побоку! Главное — набрать проходной балл. Любой ценой. Даже ценой уголовного преступления.

В свое время рассказы о взятчицах из приемных комиссий институтов были подлинной сенсацией. Редакторы прикидывали: а стоит ли печатать? Может, этот факт нетипичен? Не бросим ли тень на славный отряд педагогов? Не скомпрометируем ли наш вуз? Подобные вопросы отпали сами собой. Увы, мы вынуждены были признать: взятки за поступление в институт стали системой. Ни родители, ни журналисты, ни следователи и прокуроры уже не ахали и не охали. Первые безропотно платили, последние сажали уличенных профессоров и доцентов, а журналисты описывали все это уже без удивленных и гневных восклицательных знаков. Развращающее влияние застойных времен и нравов превращало недавнюю уголовную сенсацию в обыденность.

После кончины Брежнева мне довелось быть на процессе по делу Вишнякова, работавшего секретарем Ростовского обкома партии по промышленности, а потом — заместителем министра сельскохозяйственного машиностроения СССР. И на той должности, и на другой он брал взятки. В основном за предоставление квартир и содействие в покупке автомашин.

Его персональный шофер в Ростове, а потом в Москве братец шофера, занявший при Вишнякове место своеобразного ординарца, передал ему более ста тысяч.

На суде Вишнякову задали вопрос: как же все это началось?

— Однажды я ехал по области, — отвечал он, — и Женя, шофер, попросил устроить «Волгу» его дяде. Ни о каких взятках и речи не было. Думаю, почему

бы не помочь, парень хороший. А когда все было сделано, в очередной поездке вижу: на сиденье что-то в газету завернутое. Развернул — деньги. Возмутился, начал выговаривать шоферу. А он: «Виктор Иванович, это от души, благодарность от дяди. Не обижайте!» Вот как было.

— Но деньги-то вы взяли? — спросил прокурор.

— Взял.

— Сколько там было?

— Четыре тысячи. Они жгли мне руки...

Однако не сожгли. Обошлось. Руки привыкли к таким «ожогам». Секретарь обкома и заместитель союзного министра уже давал поручения своим подручным: найти клиента на «Волгу», претендента на квартиру.

Вот что тогда больше всего меня поразило. Жизнь Вишнякова начиналась мужественно и светло. Парнишкой помогал подпольщикам в оккупированном Таганроге. После войны — комсомольская работа, институт, избрание партийным вожаком... И одновременно — разращение полулегальными привилегиями, искушение властью, убежденность в том, что закон — не для масс, а для избранных этими массами и получивших от них все блага жизни.

Когда пришли, чтобы арестовать Вишнякова, то первое, что он сказал, было: «Вы отдаете себе отчет в своих действиях?!»

В свое время, когда я описывал подобные судебные дела, то опускал партийные должности преступников: еще считалось неудобным говорить всю правду. Позже стали известны деяния Рашидова и многих других, занимавших в партийной и государственной иерархии куда более видные места.

Поэтому в прошлом году никого не смутило то, что была открыто названа должность подсудимого Бровина, дежурного секретаря генсека Брежнева. Он тоже брал взятки.

Слушая показания этого «избранника судьбы», я вновь задавался вопросом: как же совершилось его падение?

Он занимал свою должность тринадцать лет. Попал на нее без кумовства и блата. Крестьянский сын, ставший рабочим, выучившийся на юриста. Расторопный, толковый, ничем не запятанный. Без высоких знакомств и влиятельных покровителей. А вот уж там, в самой близости власти, и началось то, что мы называем «перерождением».

Падение Бровина началось с того, что он сделал... доброе дело. Женщина из Владивостока с безнадежно больным ребенком приехала к родителям в Москву после того, как ее оставил муж. Все хлопоты о прописке оказались

пустыми. И тогда она стала искать обходные пути. Через цепочку посредников добралась до Бровина. Один его звонок — и вопрос был тут же решен. Посредники шепнули женщине: «Надо дать». Намекнули, что хорошо бы пару дубленок. Одну принесли Бровину...

В следующий раз была просьба посодействовать, чтобы выпускника военного училища оставили служить в Москве. Опять через сложную цепочку.

— Позвонил генералу. Ничего не требовал, просто спросил: нельзя ли?.. И был удивлен, когда мне передали пакет.

— А что в том пакете?

— Три тысячи.

Ждал он за услугу такую «благодарность» или не ждал — только ему и известно. Но то, что взял, — факт. И так легко! Звонок — и все крутится, вертится, ломаются правила и нормы, на том конце провода мгновенно встают по команде «смирно». Вот тут-то перерождение и пошло полным ходом, развиваясь, как раковая опухоль души. Взятки уже пошли многотысячные...

Впрочем, на фоне многих преступлений, ставших в последнее время достоянием гласности, девятнадцать тысяч рублей взятки могут показаться мелочью. Только ведь суть дела в количественном измерении не выразишь. Через помощника Брежнева формировались волны разложения и разращения с усилением, прямо пропорциональным расстоянию. Казнокрады и взяточники находили через таких, как Бровин, надежный заслон от меча закона и от общественного гнева. Уверенные в покровительстве, они не считались ни с чем, насаждали неверие в правду, справедливость и законность...

Наконец-то мы не побоялись назвать вещи своими именами, сдернули покровы с «неприкасаемых» и говорим себе, а значит, и миру горькую правду. Многие считают, что этим мы выставляем себя на всеобщий позор, ибо мздоимец в министерском ранге, взяточник из высочайшей приемной действительно наш стыд и позор. Но иначе нельзя. Исцеляющий меч гласности не может разить выборочно, с оглядкой на «приличие».

И все-таки даже самые громкие дела о взятках, самые смелые должностные разоблачения, самая позорная статистика мало что дадут, если не проанализировать: откуда же взялась вся эта скверна, где ее истоки? Тут при всей схожести самого деяния проблем масса. И исторические корни, и социальные предпосылки, и правовое неравенство — все оказало влияние на расцвет этого зла.

У Стефана Цвейга есть любопытное высказывание о скрытых мотивах чело-

веческих драм: «Подобно тому, как болезнь начинается задолго до того, как она обнаруживается, так и судьба человека возникает не в ту минуту, когда она становится очевидной и сбывшейся: долго она таится в глубине нашего существа, овладевая нашей кровью, прежде чем коснется нас извне. Самопознание уже равносильно сопротивлению...»

Но мы не всегда склонны к самопознанию, равному сопротивлению. В тысячах случаев нарушитель не считает себя таковым, а окружающие не видят в нем злоумышленника. Все начинается с мелочей, без видимого вреда, порой с благородными даже намерениями (помните первую услугу Бровина женщине из Владивостока?). А в итоге — глубокое падение без видимых причин. Потом, задним числом, мы все постараемся объяснить случаем, роковым стечением обстоятельств, чуть ли не «перестом судьбы». Как это и делают взяточники, оказавшись на скамье подсудимых.

Ах, как хорошо объясняет наука или опыт парадоксальные на первый взгляд явления материального мира! И как плохо еще знает себя сам человек! В его поведении чуточные добавки порой становятся причинами роковых обвалов. А он вроде и не замечает накопления критической массы.

Нет, будем точными: замечает, чувствует, тревожится. Это только другим незаметно. А сам-то он все понимает, но... как ребенок, прячет голову под подушкой, думая, что спрячется целиком. Отмахиваясь от сознания рокового порога, все же переступает его. А потом — но уже поздно! — переломанный хребет жизни, обвал.

Мне приходилось не раз быть свидетелем того, как человек мучительно искал, когда же он сделал этот небольшой шагок к пропасти; находил его, стонал, сознавая невозможность все переиграть. Жизнь наша вариантов не имеет. Что сделано, то сделано.

Да, переиграть невозможно. Предвидеть же роковые последствия ложного шага в наших силах...

Есть у нас классические отрасли человеческой деятельности, где взятки, поборы, обшеты считаются чуть ли не обязательными атрибутами профессии. Та же торговля, например. Такая уж у нее, говорят, специфика. Торговля, однако, ничуть не хуже юриспруденции, сталеварения, врачевания... Однако было бы лицемерием закрывать глаза на то, что торговля имеет свои особенности и подводные рифы. Соблазнов здесь действительно немало. И традиции определенные существуют, как мы с ними ни боремся. И даже взгляд на

...За кулисы я попал как раз в тот момент, когда музыканты из «Йа-Йа» один за другим выходили на сцену. Проществовали барабанщик Грэхэм Гэррэт и клавишник Ник Коллар, за ними долговолосый басист Гарри Стивенс и гитарист Рей Кэлкэтт, которого друзья зовут «Малыш». Последним пронесся улыбающийся вокалист Сэм Блу. Начинался один из концертов «Йа-Йа» в Москве.

Несколько слов о самой группе. Она образовалась два года назад в Лондоне. Успех пришел после песни «Когда мир заплакал», в которой рассказывается о том, что случилось в мире, когда люди узнали о смерти Джона Леннона. «Йа-Йа» до сих пор отдают дань уважения Леннону как музыканту и человеку. Ребятам нравится музыка «Лед Зеппелин» и Стинга. Сами играют довольно своеобразный, мелодичный хард-рок, украшенный высоким чистым вокалом и виртуозным соло гитары. Да, собственно, вся музыка «Йа-Йа» сработана очень и очень профессионально. Видимо, именно это качество сыграло на последнюю роль для Яцэка Слотала, директора концертной фирмы «Барруччи Лейжер Энтерпрайзес», который и организовал гастроль «Йа-Йа».

Но вернемся к концерту. Хотя практически все песни «Йа-Йа», да и сама группа были незнакомы московской публике, можно с уверенностью сказать, что аплодисменты с самого начала концерта были вполне искренними. А уж когда музыканты исполнили композицию Джона Леннона «Представь себе», а также «Раздавленный под ногами» и «Рок-н-ролл» из репертуара «Лед Зеппелин» — зал «завелся» по-настоящему. Но не тут-то было...

«Смена» уже много раз писала о проблеме так называемого «стоячего партера», о месте перед сценой, не заставленном стульями, где можно беспрепятственно танцевать или просто стоя приветствовать группу. Но, увы, все пожелания так и остались на бумаге. «Стоячего партера»

Николай АРЕФЬЕВ фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

на рок-концертах в столице по-прежнему нет, и милиция совместно с дружинниками все так же расправляется с любыми попытками потанцевать. Милиционеры не смогли сказать корреспондентам ничего вразумительного по поводу задержания двух ребят. Да, танцевали. Да, кричали. Ну и что? Что случилось страшного, когда в конце концов все желающие подошли близко к сцене? Ровным счетом ничего.

Яцек Слотала был огорчен.

— Я не понимаю, — горячился он, — почему не разрешают людям вставать, танцевать, подходить к сцене. Это же рок-концерт! Во всем мире на таких концертах танцуют. И в Кнаве, и в Риге, и в Ленинграде мне удалось убедить милицию и администрацию, что в этом нет ничего страшного. Но в Москве... Я только что еще раз разговаривал с начальником здешней милиции, доказывал, что сейчас, когда люди танцуют на стульях, ситуация гораздо опасней, чем если бы им освободили для этого партер. Но, увы...

Что ж, Слотала во многом прав. Давно назрела необходимость в изменении отношения к своей работе, к окружающим людям, к себе, к гостям, не говоря уже об охране порядка на концертах и т. д. Не хотелось бы, чтобы, скажем, Стинг или Пол Маккартни, который скоро собирается приехать к нам, сожалели о том, что им мешали контактировать с залом. Но есть ли гарантии, что произойдут какие-то изменения? К сожалению, пока нет.

И НИКАКИХ ГАРАНТИЙ...

Чтобы взять это интервью, я встречался с Геннадием Хазановым четырежды: на двух его спектаклях «Масенькие трагедии» и «Избранное» в Театре эстрады, а после в Доме молодежи, на Комсомольском проспекте, где созданный и возглавляемый Хазановым театр «Моно» арендует три крошечные комнатки.

Слава богу, Хазанова не надо представлять читателю, не надо объяснять, как на дальних подступах к театру желающие попасть на его спектакль спрашивают билетик, не надо рассказывать, как, несмотря на изнуряющую жару нынешнего московского лета и духоту в зрительном зале, не было ни единого свободного места.

Принимали его хорошо. Были и аплодисменты, и цветы, и все, что полагается в тех случаях, когда артист пользуется успехом, когда то, что он делает на сцене, находит отклик в зале, когда его работа и реакция на эту работу идут рядом... Я не стал бы с абсолютной уверенностью утверждать, что зрительская реакция всегда была адекватна тому, что показывал или, точнее, о чем рассказывал со сцены Хазанов. Но это личное мнение. Мало ли что может показаться. Мое утверждение, как говорится в Одессе, — это еще не факт. Вместе с тем было в его игре нечто такое, что требовало объяснения, подробного рассказа.

Собственно, что я знал о Геннадии Хазанове до личной встречи? Если откровенно, только то, что видел по телевизору. Самое первое знакомство — студент кулинарного техникума. Этаким недотепа «с приветом», который попадал во всякие нелепые ситуации. Та первая телевизионная встреча была столь яркой, что не могла изгладиться с годами. Хотя за это время артист ушел далеко вперед, хотя с того же телеэкрана он уже являлся нам совсем в иных образах, тот придурочный студент все время находился рядом, исподволь бросая тень на совершенно новых, иных по характеру героев. И это, думаю, не только мое личное впечатление. Телевидение настраивает нас на свою волну не только подбором номеров, но и некой остаточной деформацией нашего восприятия того, что мы видим, занимается исподволь определенной подгонкой под стереотип. И тогда пришла естествен-

поднять подшивки старых журналов и газет — там все есть.

— Я просмотрел большинство из них. Но, честно, не нашел ответы на главное: не столько ЧТО было в вашей творческой биографии, а КАК это было. И потом: что стало побудительным моментом, который определил ваш выбор профессии? Об этом нигде ни слова. Например, когда вы впервые решили стать артистом? Почему?

— Вы не поверите, это сидело во мне всю жизнь, с раннего возраста. Артистом я хотел быть всегда. Во всяком случае, сколько себя помню. В три, в четыре года я твердо знал, что буду только артистом. Ни космонавтом, ни летчиком, ни пожарным. Только — артистом!

— Почему? Что, на ваш взгляд, могла дать вам эта профессия?

— Власть!.. Я не выдумываю, я называю вещи своими именами... Эта профессия обещала возможность прорваться к такого рода власти, которая выглядит довольно привлекательно. Аплодисменты, поклонение актеру, признание его труда, согласитесь, — есть факт завоевания им человеческого внимания, завоевания мыслей людей, если хотите, их принуждение понимать и оценивать происходящее на сцене так, как этого хочет он.

Ведь власть можно рассматривать и раскладывать по-разному. Это и давление с помощью нагайки, или голода, или пряника — чего угодно. В моем же варианте — это более честная игра, более честный способ... Будем говорить так...

Хазанов задумался, помолчал, а потом мягко, как-то неуверенно продолжал:

— Я, кажется, не совсем точно выразился... Я всегда считал, что тут побудительным мотивом было стремление к власти, а вот сейчас, в разговоре с вами, вдруг в первый раз в жизни подумал, что здесь нечто другое... Человек так страдает из-за отсутствия любви к себе, что весь этот ажиотаж зрительного зала в какой-то мере и есть удовлетворение его жажды понимания, любви, хорошего отношения...

— И вы хотите подтвердить, что это сидело в вас уже с ранних лет?

— Да... Очень давно... Конечно, еще не осознанное, на уровне смутных инстинктов, но это чувство волновало меня, уверен, уже в детском саду. Как и всюду, мы занимались там музыкой, учили стишки, пели песенки, а потом

выступали со всем этим на утренниках, и больше всего мне нравилось в тех маленьких концертах, что меня замечали, что мне аплодировали, что ко мне, наконец, не оставались равнодушны... Думаю, что все это незаметно переросло в какую-то жуткую потребность вот таким образом, через выступления перед людьми, самоутвердиться, обратить на себя внимание, крикнуть миру, что я есть! Такая потребность в большей или меньшей степени, думаю, свойственна каждому человеку, хотя с годами, надо признаться, я все больше и больше понимаю всю смехотворность этих желаний...

— Вы начинаете это понимать, когда сами всего этого достигли...

— Как сказать... Может быть, я действительно могу сейчас так спокойно философствовать на эту тему потому, что все это получил, через все прошел. Но когда мои честолюбивые желания не были удовлетворены, когда эта жажда не была утолена, тогда я даже не ставил вопрос, насколько нормальны такие желания. Тогда я даже не задумывался над этим. Мне казалось, я был уверен, что только так я и должен жить, что для меня может быть приемлема только такая форма существования.

Что лежало в основе всего? Намешано, наверное, было много и всякого, но главное, думаю, заключалось в том,

что я видел в подобном самопроявлении способ защиты, способ самосохранения...

— Защиты от чего?

— От всех сложностей жизни... Как это объяснить?.. В каждом человеке, в каких-то потаенных уголках его организма есть что-то такое, что совершенно точно знает, с помощью чего ты можешь реализоваться, наиболее полно выплеснуть свой природный потенциал, наконец, защитить себя от обидчиков. Чтобы защитить себя, надо быть сильным. И если бог не дал физической силы от рождения, надо искать иные способы...

— И вы почувствовали, что доля артиста даст вам другую, не меньшую силу, которая сможет гарантировать определенную жизненную устойчивость, стабильность, даст, как вы сами сказали, власть?

— Что-то в этом роде... Правда, не столь ясно и конкретно, как мы сейчас

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

С Геннадием ХАЗАНОВЫМ беседует журналист Леонид ПЛЕШАКОВ

ДО И ПОСЛЕ КУЛИНАРНОГО ТЕХНИКУМА

ная мысль: кто же такой Геннадий Хазанов? Откуда он? Что было в его творческой биографии до студента кулинарного техникума, что после? И вообще почему он стал артистом, да еще выбрал такой своеобразный жанр?

И я скопом вывалил все эти вопросы Хазанову, когда мы встретились с ним тет-а-тет.

— Вы уж не обижайтесь, но всегда журналисты спрашивают об одном и том же. Как стал артистом? Где учились? Я об этом много раз рассказывал, это много раз было опубликовано. Если это кому-то все еще интересно, проще

в Крыму, вероятно, оттуда все началось... За выцветшими строками архивных дел вставала судьба: изломанная, тягостная, беспросветная... Но не мог я сейчас думать о ней, это сбивало, рассредоточивало, мысли ползли не те, ненужные...

В принципе Матерого можно было брать смело: наверняка в «Волге» его остались улики, связанные с убийством нанятых в Ростове «бойцов», «Волга» же, как установили, — та, с места происшествия; доказательства причастности к рыбо-икорным операциям были неопровержимы... Но и я, и — что удивительно — начальство решили горячку не пороть. И каждый час дня сегодняшнего подтверждал целесообразность такого решения. Любопытные адреса открывал нам Матерый своими визитами, перспективные адреса! Визит первый был нанесен некоему Прогонову — реставратору и цинкографу — фигуре, появившейся в зоне повышенного внимания различных административных органов, хотя и не более того. В кругах, близких к криминальным, витали неподтвержденные слухи о подделках им художественных ценностей, о фальшивых дипломах... Но если и грешил Прогонов, то очень и очень втихую, избегая контактов, не реагируя на самые выгодные предложения, оставаясь вне досягаемости закона. Так и жил-поживал: тихо-мирно, как инвалид труда, некогда надывавший опасной химии на типографском производстве, пенсионером. Пуганой, хитрой вороной таился на отшибе, патронируемый, уверен, проворными, хищными ястребами. Визит Монина к пенсионеру-инвалиду я посчитал событием знаменательным: занерничавшему злодею многое могло потребоваться от мастера — изготовление тех же документов...

Следующий визит был нанесен гражданину Лямзину, надомнику, ранее судимому по валюте. Лямзин являлся абонентом телефонного номера, по которому звонил Коржинов, беседуя тем не менее не с Лямзиным, а с Матерым... Круг знакомств и взаимоотношений, таким образом, начал очерчиваться по характерному радиусу.

При всей осмотрительности Матерый вел себя весьма рискованно. Но риск, полагаю, диктовался недооценкой опасности: Монин питал надежды на начальный этап следствия; арест Воронова сваливал на случайность, а ее, случайность, в свою очередь, ободряюще подтвердила неприкосновенность Коржинова... Словом, спровоцировать его на любовые действия нам удалось.

В течение дня он дважды запраивался; оперативные группы едва успевали контролировать его передвижения, то и дело требуя подкрепления. Информация поступала непрерывно, и по мере поступления ее я с унынием сознавал: дело меняет окраску; оно чудовищно разрастается, и, главное, оно лишь в самом начале, ибо за встречами Монина забрезжило то, чем он занимался не по частностям, а в основном: теневая экономика... И я крепко заколебался в своих способностях и силах, оценивая предстоящую, крупнейшую по масштабам, работу. Матерый виделся как один из участников мощной, разветвленной системы, а какой окажется система в целом?..

— Ну вот, приехал домой, — разбитым, севшим голозом доложил мне Лузгин уже ночью. — Еще один такой денек, и хана мне...

— По-моему, это аварийный режим, — успокоил я, в душе сильно лукавя. — В бега они намыливаются...

— Ясное дело. Кстати, новость из прошлого, — поделился Лузгин. — На протяжении долгих лет Монин — персональный водитель Ярославцева. И помани, Саша, мое слово: он, Ярославцев, в этой игре если не ферзь, то уж не пешка. Последние встречи у Матерого сегодня какие, а? Все люди основательные, на хозяйстве. Придется призывать ОБХСС. Одну бригаду как минимум. Давай... пока! Башка разваливается по всем швам черепа. До завтра.

— Разрешите? — В кабинет вошел капитан Кровапусков из УВД, помощник Лузгина. Запыхавшийся, с выбившимся из-под кожаной, на меху куртки мохеровым комом шарфа. Вытащил конверт из кармана. — Только-только фото отпечатали... Ну, когда тот, Монин, по первому адресу приехал, мы тут же, около дома и сломались — с машиной что-то, карбюратор; час ковырялись... А человека, чтоб без дела не сидел, оставили для наблюдения — мало ли?..

— Ну-ну, — сказал я нетерпеливо.

— Вот. Монин уехал вскоре, а следом буквально — этот... — Капитан разложил снимки. — Любуйтесь. Машина его, дверцу открывает... — Кашлянул в шарф. — Ну мы, конечно бы, за ним, но карбюратор, черт! В общем...

— Техника подвела, — резюмировал я, разглядывая снимки.

После Монина Прогонова навещил Ярославцев...

ЯРОСЛАВЦЕВ

— Миша, сердечно рад видеть тебя... — Ярославцев жестом пригласил присесть рядом с собой в машине полного, дородного мужчину с загорелым, в резких

ЛЮБЯЩАЯ ЛАСТОЧКА

призвал их «читать газеты», а читая газеты, думать через это чтение о профессии. Совет изощренного театрального стратега — совет мудрый и своевременный. Значит, «Тень» — ласточка хоть и шальная, но не случайная. Так вот о тенденции...

Откуда ласточка вылетела? Естественно, не из гнезда буревестника, хоть он и символ. Тут модная нынче связь с историческим прошлым неуместна. Зато на подступах к суперновой истории нельзя не заметить явления, ушедшего в песок, на мой взгляд, совершенно напрасно, не замеченного толком ни нашей пронзительной, передовой и темпераментной критикой, ни нашим самым не читающим эту критику зрителем. Говорю я сейчас о постановке Марка Захарова «Ревизор», осуществленной несколько лет назад со студентами ГИТИСа, где Марк Анатольевич, верный одному из своих призваний, не только преподавал режиссуру: но и будил политическую активность будущих театральных работников.

Там уже, в работе над спектаклем Захаров сознательно ли, подсознательно, но почувствовал один из серьезных изъянов театральной педагогики, не ориентирующей юных воспитанников на «политические поступки» в творчестве. То есть, говоря совсем просто, педагогам театральных вузов (99 процентов из 100) даже в голову не могло прийти во время работы над этими людьми сказать: «Родной, играя Горюхиным, думай хотя бы иногда о Рашидове, Щелокове, Чурбанове...» — и юные воспитанники, выпускаясь артистами, не выпускались гражданами в самом хорошем, активном смысле этого слова. Головы многих из них прокручивали сумасшедшие идеи по добычливости московской прописки, по доставанию шмоток, комбинировали варианты выгодных женитьб (или замужеств), выгодных карьер (уже не раз и не два выпускники актерских факультетов резко убежали на работу в комсомольские управленческие аппараты, хотя может быть, это и неплохо, если вспомнить начало карьеры Рональда Рейгана). Словом, актерские факультеты превратились, по моему, в настоящие кузницы кадров, со всеми вытекающими отсюда «металлическими» последствиями: актерская психика в подавляющем большинстве становилась огнеупорной, тяжелой, холодной, легко превращаясь в рельсы, по которым несся бронепоезд театрального дела... стоя на своих запасных путях. Вина тут, конечно, не только педагогов театральных вузов, но иногда и стрелочник бывает виновником аварии, а от педа-

гогов, как и от всех учителей в этой жизни, зависит многое.

«Чистота» творческой подготовки обеспечивала «чистоту» сознания и тех, кто попадал в профессиональный театр, и тех, кто мыкался в поисках работы, хотя безработицы у нас нет. А все это к разговору о политическом театре, живой попыткой которого и стал спектакль «Тень», хотя речь сейчас не о нем, а о тенденции...

Мы хотим. Нет, мы привыкли хотеть. Чтобы наша молодежь — зритель — пришла в театры. Мы хотим этого уже так долго, что напоминаем людей, которые хотят тем больше, чем больше не могут. Не могут! А продолжают приставать... А молодежь в театры не ходит. Мы спорим, как сделать так, чтобы она пошла, и сокрушаемся по поводу несуществующих успехов в несуществующей борьбе за молодого зрителя. Борьба давно перешла в разряд теоретической, поскольку практически она попросту не может осуществляться. Готов заявить с той же безапелляционностью, что молодой зритель никогда не придет в большинство наших театров, пока они будут населены теми же «жильцами», что и сегодня, пока организационная структура театров будет оставаться неизменной, несмотря на экспериментальные нововведения экономического порядка. На мой взгляд, художественные руководители большинства наших театров, подавляющая масса актеров не смогут найти общего языка с молодыми людьми, которые много лет занимались самовоспитанием, которые сверстаны «сознанием отрицания» — отрицания многих провозглашаемых ценностей, идеалов, правды. Они развивались параллельно той жизни, про которую играли (а играя — впитывали) на театральных подмостках многие годы. Они, мягко говоря, не любили эту жизнь, не верили в ее законы, хотя она была прямым продолжением той, видимость которой всячески оберегалась. Они воспитаны протестом, причем протестом внутренним, «не вслух», а «про себя», и оттого более устойчивым, неуязвимым, глубинным. Надежда на то, что наши неповоротливые театральные организмы смогут переварить, прочувствовать этот протест и сделать его хотя бы отчасти своим, равна нулю.

Скажу больше: я бы не советовал молодым тратить время и силы на борьбу с большинством наших театров. К ним следует относиться почтительно и милосердно: ведь и Клодтовы кони, прежде чем застыть, честно рванулись из-под узды... Дело в том, что диагнозы, которые ставит время, не отрицаются людьми. Вряд ли нужно лечить или спасать застарелые театральные коллек-

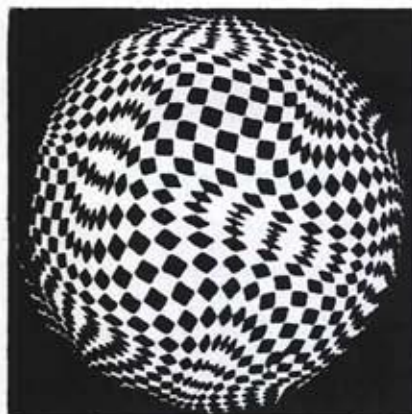
тивы. Пусть они перестраиваются, пусть делятся, меняются главными режиссерами, пусть артисты становятся художественными руководителями, а художественные руководители возвращаются «в артисты». Не надо выдергивать стулья из-под людей, которые начинают пересаживаться: люди могут упасть на пол. Старый Арбат все равно никогда не станет новым Арбатом. «Современник» никогда не станет «Современником-2». Государственная премия редко еще становится «призом зрительских симпатий». А зрительские симпатии переходят в разряд государственных...

Так вот о зрителях. По моему, существует неверная идея о том, что у каждого театра свой зритель. Это блеф. Девяносто процентов наших театров (из скромности беру только РСФСР) имеют одинакового зрителя, нашего зрителя. Его уже не растрожишь, ему уже все равно — смеются над ним или «вкальвают» в него проблемы. Он отличается «кошмарным душевным здоровьем», его уже не прошибешь. Этот зритель достоин своего театра, он бронзовеет вместе с ним и останется верен ему до конца. Не надо волноваться за эту категорию публики. Ей хорошо. У этой категории — свои критики, свои журналы, свои идолы. Свои дела. Намечившаяся творческая пропасть между поколениями бездонна, но и перескакивать через нее не хочется ни тем, кто на одном краю, ни тем, кто на другом. На практике давно уже идет в общем-то мирное сосуществование. Правда, и на той, и на другой территории стоят «громкоговорители», направленные друг в друга, из которых постоянно несутся гневные слова и выкрики делового взаимонеприятия. Но это нормально, это привычно, и, даже уберечь «громкоговорители», жизнь на обеих территориях покажется скучной. Ситуация в «государствах» характеризуется следующим образом: в «молодом» государстве **ждут**, в «главном» **к власти приходят сорокалетние**. Они — сорокалетние — истомились в ожидании этой власти и потому считают ее законной и естественной. Только вот, к сожалению, именно по этому возрасту, по большинству его представителей, прошло, на мой взгляд, наибольшее количество противоречий и трещин времени. К сожалению, именно эти люди (за редким исключением) не могут стать ни яростными «сталинистами», ни яростными «горбачевцами», они — нейтральная полоса «государств», та самая трещина, которая и разделяет пропасти. Но все это о тенденции, которая подготовила вылет «шаловой ласточки» — спектакля «Тень» в театре-

студии «Современник-2»...

Почему наши юные сограждане яростно исповедуют «религию» под названием «рок-музыка», затрачивая архипроизводительную энергию на то, чтобы попасть на концерты любимых команд? Дело еще и в том, что «любимые» поют остросоциальные тексты. Дело еще и в том, что «любимые» (самые популярные и самые жизнестойкие из них) не просто «читают газеты», но уже давно были готовы к тому, чтобы именно это в сегодняшних газетах читать. Сегодня они услышали и увидели то, о чем давно уже пели в своих песнях, и когда они вышли из подвалов на улицы и стадионы, то оказались самыми первыми «перестройщиками». Отсюда (но не только) и идет их популярность. В общем, «любимые» уже раз и навсегда ответили для себя (и для своих слушателей) на основные вопросы о причинах всех бед нашего общественного строя, и их не удивили громкими разговорами об этих причинах (хотя честнее будет сказать — громкими намеками на причины, так как суть наших общественных пороков до сих пор остается «за кадром»), которые разносятся нынешними глассатаями новых идей. «Любимые» уже давно прочитали «книгу», которую им рассказывают сегодня своими словами с помощью газет, радио, ТВ. Другое дело, что, ответив на вопрос о причинах, они (как и все остальные тоже) не знают, что предложить взамен, где выход. Но, во-первых, это — **другое дело**, а во-вторых, быть может, на каком-то отрезке времени важнее расстаться с иллюзиями, нежели торопливо громоздить полу-иллюзии или новые иллюзии. Ведь когда гниют трубы отопления, глупо класть на дыры многочисленные заплатки — прорвет в другом месте. Надо менять систему.

И еще — о причинах популярности «любимых» у молодежной аудитории. Они смогли предложить для своих сверстников оригинальную, понятную, родную стилистику диалога, ассоциаций, систему образного мировосприятия, мировоззрения и прочих точек отсчета во взаимоотношениях с жизнью. Потому, кстати, так «взьерошили» некоторые наши писатели, поэты, композиторы, просто деятели. Они почувствовали — и совершенно справедливо — опасность, которую несет культура воспитанных «сознанием отрицания». Они отлично поняли, если ее не загнать, лет через пять — семь она даст асфальтопробиваемые всходы, и большинство потребителей культурных ценностей составят те, кто не только вхож в «поколение протеста», но и те, кто готов усваивать эстетику этого поколе-

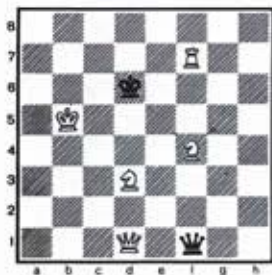
30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В сегодняшней подборке — трехходовые миниатюры с черным ферзем.

А. Барберо
1948 г.

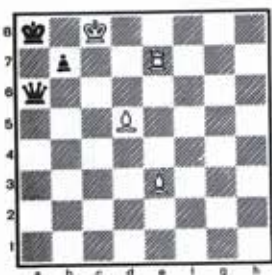

Мат в 3 хода

1. Фd2 Фb1+ 2. Кb2+ Фd3+ 3. Кс4x!

Предельно лаконично и четко представлена острая и трудная для воплощения в миниатюрной форме тема перекрестных шахов. Красив финальный правильный мат связанным конем!

М. Липтон
1956 г.

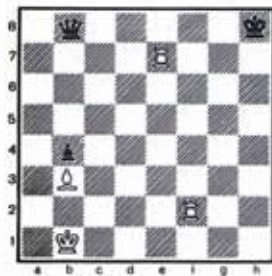

Мат в 3 хода

В начальном положении на три шаха белому королю заготовлены ответы: 1... Фс4+ 2. С:c4, 1... Фс6+ 2. С:c6, 1... Фе6+ 2. С:e6 с матом.

После 1. Л:b7 (цугцванг) ответы на те же шахи меняются: 1... Фс4 (с6)+ 2. Лс7+, 1... Фе6+ 2. Лd7+.

О. Вюрцбург
1941 г.

Мат в 3 хода

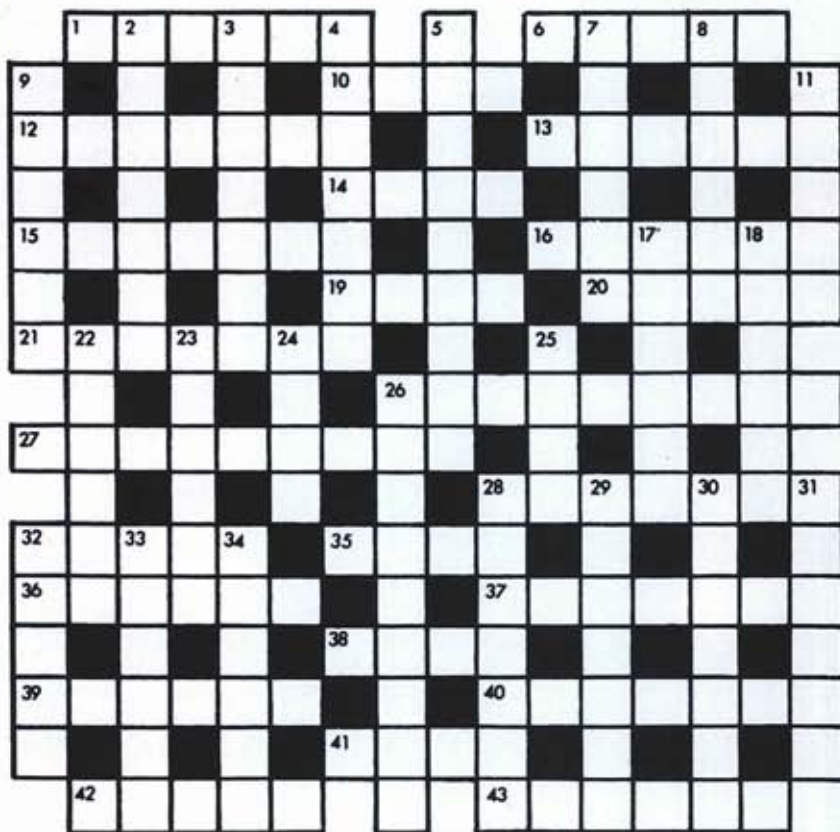
В этой классической миниатюре основное содержание — в ложных следах. Белая ладья и черный ферзь ведут хитроумный поединок по всей доске!

1. Лg2? Фg3!, 1. Лd2? Фd6!, 1. Лс2? Фс7!, 1. Лf1? Фа8!, 1. Лf3? Фс8!, 1. Лf5? Фе8!, 1. Лf7? Фg8!, 1. Лf6? Фf4!

И все же побеждает более слабая фигура. Решает красивый фланговый маневр — 1. Ла2!!, и черный ферзь не в состоянии удержать поля a8 и h2.

КРОССВОРД

Составил В. Ивашкин, г. Переславль-Залесский

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Отросток у бактерии, средство передвижения. 6. В старину свидетельство об отсутствии родства между вступающими в брак. 10. Первый мушкетер, с которым д'Артаньян должен был сразиться на дуэли. 12. Направление в физиологии, сформулированное трудами И. Сеченова, С. Боткина, И. Павлова и его школы. 13. Эталон остроты. 14. У азербайджанцев в древности — озан, у армян — гусан (современное название). 15. Город на западе США. 16. Народное название кувшинки. 19. Приток Мокши в Мордовии. 20. Самец, символизовавший, по старым поверьям, дружбу. 21. Русский создатель (в конце прошлого века) реоэнсцифровочного аппарата, который силой ветра поднимался на тележке по канату запущенного змея. Затвор срабатывал на заданной высоте с помощью электромагнита. 26. Район, где 25 октября

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Музыкальный инструмент, который в начале 20-х годов охаял Д. Бедный, а через несколько лет с пафосом воспел А. Жаров. 3. Герой средневековой легенды, воспевавшей его любовь к Изольде Белокурой. На сюжет легенды собирався написать историческую драму А. Блок. 4. Один из летчиков, спасавших экипаж парохода «Челюскин». 5. Графическая разновидность письма в славянских рукописях. 7. Птица, с которой охотились даже на волков. 8. Герой басни И. Крылова «Вельможа» «родился в Персии, а чином был...». 9. Румынский композитор и исполнитель, не раз выступавший с Д. Ойстрахом. 11. Охотничий помост. 17. Цветочный «рай» в лесу. 18. Селение, где в 1792 году войска революционной Франции впервые разбили

1941 года 3. Сорокин таранил фашистский самолет, после чего сам почти неделю пробыл в снежном плену. 27. Один из шести комсомольцев, совершивших в 1935 году за 127 дней поход на байдарках от Байкала до Москвы через 17 рек и озер. 28. Деятель чешского и словацкого национального движения 30—40-х годов прошлого века, пропагандировавший идеи «славянской взаимности». 32. ... под солнцем (прочное, высокое положение в обществе). 35. Нижняя «одежда» судна на воздушной подушке. 36. Ребенок. 37. Эпитет, которым с бравадой награждали себя С. Есенин и В. Маяковский. 38. Обычный персонаж в сказках братьев Grimm. 39. Степень родства. 40. Пробел в воспоминании. 41. Человек, который должен «осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин» (К. Рылеев). 42. Птица, обычная летом возле «скамы Онегина» в Тригорском. 43. Река на севере Якутии.

австро-прусских интервентов и французских роялистов. 22. Лакейская одежда, которую терпеть не мог Петр Первый. 23. Азарт, увлеченность работой. 24. Один из цветов, из которых в Древнем Риме делали высококачественные духи. 25. Черкеска с рукавами до локтя. 26. Совокупность животных, обитающих на морском дне и в донном грунте. 28. Игра, из-за которой Л. Толстой на Кавказе опоздал на караул и не только не получил серебряный крест, которым был награжден, но и попал под арест. 29. Ряд, шеренга. 30. Русский общественный деятель, экономист. Организовал статистику металлургической промышленности России. 31. Напиток, за которым послали в рассказе А. Чехова «Беда», когда кончилась мадера. 32. Опера-балет Н. Римского-Корсакова. 33. Одна из птиц, чьи голоса создают основной звуковой фон нашего леса. 34. Мясной продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Циоцифит. 7. Литра. 10. «Хорошо!». 11. Нанбук. 12. Панно. 13. Ювенал. 14. Массив. 16. Афера. 20. Андантино. 24. Иллубабор. 28. Каратау. 29. ...ракетка... 30. Кульнев. 31. Сурдина. 34. Термопара. 37. Кинотеатр. 40. Аннам. 42. Жасмин. 43. Футбол. 44. «Иерма». 45. Погреб. 46. Лингис. 47. Омичи. 48. Югослав.

По вертикали:

2. Целоплана. 3. Остенде. 4. Изаномала. 5. Моевка. 6. Корнет. 8. Энеску. 9. Чумиза. 15. Затрата. 17. Фортран. 18. Ритмика. 19. Гравюра. 21. Дукер. 22. Нетто. 23. Икаса. 25. Лукан. 26. Булат. 27. Бонза. 32. Ураниборг. 33. Нимфалида. 35. Мрамор. 36. Поморы. 38. Октакт. 39. Ежовик. 41. Нарцисс.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1473) ОКТЯБРЬ

Главный редактор Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН** (заместитель главного редактора)
- Борис ДАНОШЕВСКИЙ** (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ**
- Андрей КУЧЕРОВ**
- Альберт ЛИХАНОВ**
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ**
- Сергей ПОПОВ** (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН**
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**
- Евгений РЯБЧИКОВ**
- Вадим САУШЕВ**
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ**
- Владислав СЕРИКОВ**
- Виталий ФЕДОРОВ** (главный художник)

Художник Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки. 212-21-38 — коммунистического воспитания. 212-23-79 — фотоочерка. 212-21-38 — военно-спортивный. 251-32-84 — международной жизни. 251-04-10 — литературы и искусства. 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 19.08.88. Подписано к печати 01.09.88. А 11770. Формат 70 × 108^{1/2}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 2 025 000 экз. Заказ № 2975. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Готовы ли вы честно отвечать на вопросы?
 — Всегда готов. А готовы ли вы мои ответы напечатать?
 Ради чего вы работаете?
 — Ради собственного удовольствия и содержания семьи.
 Как вы относитесь к тому, что попали на обложку нашего журнала?
 — Положительно.

Кого бы вы хотели увидеть рядом с собой на обложке?
 — Никого.
 Завидуете ли вы успеху другого человека?
 — Нет.
 Нужно ли говорить правду «в лицо»?
 — Нужно, но я на это не способен.
 Если у вас все плохо: не ладится работа, не устроена личная жизнь, расшаталось здоровье и т. д., — что вам помогает в таком тяжелом состоянии?

— ...и разговор с другом.
 Если бы вы встретили инопланетян и они предложили бы вам отправиться вместе с ними, вы согласились бы?
 — Сразу.
 Можете ли вы назвать нечто такое, что, по вашему мнению, характеризует конец XX столетия?
 — Цифры — 1988, 1989 и т. д.
 Какое противоречие времени вы считаете главным?
 — Я слишком мало жил, чтобы понять это.

На вопросы анкет
отвечает артист

МАКСИМ БОЯРСКИЙ

Что вас раздражает в людях больше всего?
 — Ложная значимость.
 Кого из героев литературы вы сами себе напоминаете?
 — Акакия Акакиевича Башмачкина («Шинель» Гоголя).
 На улице вы встречаете самого обыкновенного советского человека, и он предлагает: деньги, популярность, должность, поездку в Париж... Что из перечисленного вы предпочтете всему остальному?
 — А разве самый обыкновенный советский человек может такое предложить?!
 За что вас когда-то принимали в комсомол?
 — За то же, за что и вас. Очень хотел быть в первых рядах советской молодежи...
 Что вы больше всего цените в самом себе?
 — Любовь к семье.
 Любят ли вас собаки?
 — Как зукнется...
 Какие качества определяют, по-вашему, «мужское начало» в мужчине?
 — Его отношение к женщине, к матери.
 А еще?
 — К детям.
 А еще?
 — К друзьям.
 Сколько, по-вашему, должен получать мужчина ежемесячно, чтобы обеспечить любимую? Минимум? Максимум?
 — Минимум исключен! Все деньги мира, во всех валютах!
 А сколько получаете вы?
 — Я не получаю. Я зарабатываю.
 Ваша любимая женщина-режиссер, женщина-актриса, женщина-композитор, женщина-певица, просто женщина?
 — Нет. Нет. Нет. Нет. «Просто женщина» — мать, дочь, жена.
 Назовите лучшие качества вашего характера, которые вы охотно передали бы любимому человеку?
 — Трудолюбие.
 А какие из них вы не пожелали бы иметь даже врагу?
 — Честно отвечать на вопросы.
 Согласны ли вы с небесспорной мыслью о том, что в мире все делается во имя женщины?
 — Согласен.
 Почему?
 — Сам так поступаю.
 Окажись вы на месте Адама и откусив то самое яблоко, которое протянула Ева, какую первую фразу вы произнесете?
 — Ура!!!
 При каком условии вы были бы готовы отказаться от профессии?
 — Таких условий у меня быть не может.
 Чье мнение о вашей работе наиболее значимо для вас: руководителя, коллеги, друга, родственника?
 — Мое собственное.
 Какую роль вы НЕ хотели бы сыграть?
 — Руководителя.
 Кого бы вы никогда не пригласили к себе в сценические партнеры?
 — Больного «звездной» болезнью.
 Какой совет вы хотели бы дать человеку, под руководством которого работаете?
 — Я не работаю под руководством.
 И последний вопрос: о чем мы вас не спросили?
 — Как я себя чувствую.